„Пров 48"
66

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

М. ПАНИНЪ.

Кустарничество

и

партійная организація.

Изданіе Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

РОССІЙСКОЙ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТІИ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТЪ
ЖЕНЕВА

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27.

„Пров 35“
„Пров 49“

225053

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Періодъ отъ 1899 до конца 1902 года является переходнымъ въ развитіи нашей, существовавшей полуоффиціально, полуфактически, Партіи. Въ литературѣ это было время расцвѣта экономизма, энергичной борьбы съ нимъ, закончившейся полнымъ его пораженіемъ и рѣшительнымъ торжествомъ идей революціоннаго марксизма. Между теоріей и практикой партійной жизни здѣсь наблюдается своеобразное взаимодѣйствіе. Тогда какъ экономизмъ, воспѣвавшій „массовое движеніе“, возводившій въ программу безсознательность и „преклоненіе передъ стихійностью“, является запоздалымъ литературнымъ выраженіемъ чисто экономической борьбы, вообще отсталыхъ и неразвитыхъ формъ рабочаго движенія — забытыя, но возродившіяся идеи революціонной соціальдемократіи открывали нашимъ практикамъ необъятныя перспективы и призывали ихъ, соотвѣтственно развившимся потребностямъ движенія, къ крупнѣйшимъ преобразованіямъ въ ихъ дѣятельности. Но для разрѣшенія выдвинутыхъ движеніемъ проблемъ недоставало необходимаго условія — единой Партіи съ строго централизованной организаціей. Безъ этого условія „наболѣвшіе вопросы движенія“ не только не могли быть правильно поставлены, но даже не могли быть намѣчены во всемъ ихъ объемѣ и размѣрѣ. Наши практики были поставлены предъ совершенно непосильной задачей и осуждены были съ неизбѣжностью рока на жестокія неудачи по всѣхъ своихъ начинаніяхъ. Вступая въ работу безъ значительныхъ общественныхъ и политическихъ знаній, безъ революціоннаго и конспиративнаго опыта, они оказывались неспособными даже провѣрить и критически отнестись къ оставшимся имъ въ наслѣдіе отъ эпохи экономизма формамъ организаціи, способамъ революціонной борьбы, агитаціи, пріемамъ пропаганды. Повсюду желали и съ напряженіемъ искали „людей съ иниціативой“; ими чаще всего являлись люди, имѣвшіе лишь слабое представленіе о задачахъ времени, мало ихъ понявшіе, еще меньше сумѣвшіе ими овладѣть и разрѣшить ихъ на почвѣ конкретныхъ условій революціонной дѣйствительности. Живая творческая работа превращалась въ непозволительное экспериментированіе, прожектерство и экспериментъ принимались за иниціативу.

Такимъ образомъ, возрожденіе революціонной соціальдемократіи въ теоріи, на практикѣ, въ лучшемъ случаѣ, имѣло своимъ слѣдствіемъ мучительные, но безплодные поиски новыхъ организаціонныхъ формъ, новыхъ способовъ пропаганды и агитаціи, — обыкновенно же сопровождалось поверхностнымъ приспособленіемъ пріемовъ революціонной дѣятельности къ выхваченной изъ

общей связи соціалъдемократизма, недостаточно усвоенной, идеи необходимости политической борьбы. Вмѣсто широкаго партійнаго самосознанія царили мелкіе и узкіе интересы своего прихода, ставившіе „мѣстную“ работу внѣ всякой связи съ общими задачами Пар. Несмотря на нѣкоторыя внѣшнія измѣненія, наша революціонная дѣятельность такъ же бѣдна была содержаніемъ, какъ и въ эпоху мертвящаго экономизма. Широкая политическая агитація, „всесторонніе политическія обличенія“ имѣли быть выполнены въ прокламаціяхъ, составленныхъ, за рѣдкими счастливыми исключеніями, чрезвычайно неумѣло, точно по рецепту. Немножко объ эксплуатаціи хозяевъ и капиталистовъ и о необходимости борьбы съ ними, немножко о роли полиціи и правительства въ этой борьбѣ, далѣе слѣдовало перечисленіе правительственныхъ звѣрствъ въ Домбровѣ, Маріуполѣ, Ярославлѣ, Лодзи, перечисленіе, необходимыхъ для развитія пролетаріата, конституціонныхъ свободъ, въ концѣ возгласы: „долой самодержавіе! да здравствуетъ политическая свобода!“ — таковъ обычный типъ агитаціоннаго листка этого времени. Нерѣдко издавались листки „чисто политическаго“ характера и по отсутствію въ нихъ какой бы то ни было связи между „обличаемой“ правительственной мѣрой съ общими задачами и цѣлями соціалъдемократіи едва ли можно было признать, что листки изданы соціалъдемократической организаціей, если бы не заголовокъ „Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія“, не оставлявшій въ этомъ никакихъ сомнѣній. Но и такіе листки, вслѣдствіе слабо развитой техники, издавались рѣдко и всегда въ сравнительно небольшомъ количествѣ. Демонстраціи были признаны важнѣйшимъ агитаціоннымъ средствомъ, средствомъ политической борьбы, революціоннаго воспитанія рабочихъ массъ. И вотъ ихъ старались устраивать при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, часто безъ всякаго случая, искусственно пріурочивая ихъ къ данному дню, не соображаясь съ настроеніемъ массъ, не считаясь съ ихъ революціонной энергіей. На улицу обыкновенно выходило нѣсколько десятковъ, иногда сотня человѣкъ, которые, не успѣвши сомкнуться и выкинуть свое знамя, сейчасъ же арестовывались и звѣрски избивались наскочившими казаками и полиціей. Вмѣсто демонстраціи силы получалась демонстрація слабости, слабости организаціи и ея Партіи. Еще меньше сумѣли наши практики сдѣлать въ области пропаганды, куда труднѣе всего, можно сказать, проникало сознаніе партійности, ея тѣсной органической связи со всѣми другими сторонами революціонной дѣятельности, со всѣми остальными задачами движенія. Въ виду неумѣнья поставить и вести революціонную пропаганду на раціональной основѣ, являлось желаніе оправдать свое безсиліе. Какъ пропаганда, такъ нерѣдко организація, признавались такими областями партійной дѣятельности, которыми не удастся уже овладѣть при господствѣ самодержавнаго режима. О необходимости приспособить организаціонныя формы къ потребностямъ и задачамъ широкой централизованной политической борьбы, рѣдко кто задумывался. Профессіонально цеховая организація, этотъ доставшійся намъ отъ періода экономической борьбы, пережитокъ, только къ ней и приспособленный долженъ былъ дать тотъ операціонный базисъ, на которомъ наши прак-

тики хотѣли развернуть свою соціальдемократическую дѣятельность, обновленную идеей политической борьбы и осложненную развившимися общественными условіями. Скованная неподвижными и узкими рамками профессіональныхъ союзовъ, эта дѣятельность приводила къ разнообразнымъ и безчисленнымъ расколамъ, какъ между „цеховыми“ или „агитаторскими сходками“ и комитетами, такъ и въ предѣлахъ самихъ комитетовъ, между одной его частью и другой. Неудовлетворительность устарѣвшихъ организаціонныхъ формъ есть главная причина расколовъ, точно эпидемія распространявшихся по всѣмъ городамъ съ болѣе или менѣе развитымъ рабочимъ движеніемъ. Какъ всегда, когда слаба дѣятельность сознанія, мертвыя традиціи господствовали здѣсь надъ живыми людьми и ихъ дѣломъ.

При такихъ условіяхъ нельзя было и думать о работѣ среди учащихся, о вербовкѣ и подготовкѣ изъ нихъ активныхъ дѣятелей соціальдемократіи, объ агитаціи въ войскѣ или среди крестьянскаго населенія. „Связи въ обществѣ“, необходимыя для ознакомленія его съ программой и дѣятельностью Партіи, очень важный стратегическій пунктъ, безъ обладанія которымъ почти невозможно развить сколько-нибудь значительную революціонную энергію, — эти связи поддерживались, — если, вообще, поддерживались, — чрезвычайно вяло и неумѣло. Ореолъ, издавна окружавшій революціонера, все больше тускнѣлъ; революціонеръ, какъ и его дѣятельность, переставалъ импонировать....

Будучи совершенно безрезультатна, какъ въ смыслѣ расширенія вліянія на массы рабочаго населенія, такъ и въ смыслѣ повышенія уровня сознательности организованныхъ рабочихъ, такая дѣятельность въ состояніи была вселить лишь отчаяніе и чувство разочарованности въ душу нашихъ работниковъ. Наиболѣе вдумчивые изъ нихъ, менѣе другихъ способные примириться съ рутиной и безплодностью своей работы, или же менѣе другихъ способные овладѣть своимъ темпераментомъ и въ пылу жизни справиться съ своими мыслями, стремились такъ или иначе уйти отъ мѣстной дѣятельности. Нѣкоторые ухватились за совершенно правильную самое по себѣ мысль о необходимости партійнаго объединенія и спѣшили, если имъ представлялась возможность, отдать свои силы начавшейся къ тому времени объединительной работѣ. Другіеуходили въ „технику“ на функціи наборщиковъ, „хозяевъ“, транспортеровъ и проч. Иные, не думая, какъ имъ казалось измѣнять принципамъ соціальдемократіи, склонялись къ терроризму; иные же на время вовсе устранялись отъ революціоннаго дѣла. На мѣстѣ оставалось все среднее небольшое, а это въ свою очередь, влекло за собой еще большую слабость мѣстнаго движенія.

Таково было положеніе дѣлъ въ Партіи, когда на арену ея дѣятельности выступилъ Орг. Ком., цѣль котораго шла на встрѣчу до боли сознанной потребности объединенія.

I.

Исторія внутреннихъ организаціонныхъ отношеній и характеристика дѣятельности екатеринославскаго комитета за вторую половину 1901 года можетъ послужить типичнымъ примѣромъ всего того, что сказано выше.

Развитіе рабочаго движенія въ Екатеринославѣ вообще типично для русскаго промышленнаго центра, въ частности для юга Россіи. „Первые соціальдемократы", какъ обычно, начали свою дѣятельность съ организаціи кружковъ и съ пропаганды среди заводскихъ и ремесленныхъ рабочихъ. Переходъ отъ нея къ агитаціи совершился въ Екатеринославѣ быстрѣе и менѣе замѣтно, чѣмъ въ другихъ городахъ Россіи, въ виду, быть можетъ, того, что движеніе въ немъ началось, сравнительно, поздно, а это давало возможность использовать накопившійся революціонный опытъ. Дѣятельность екатеринославскаго „Союза Борьбы", съ 1898 г.— комитета Партіи, перейдя съ пропаганды теоріи соціализма въ рабочихъ кружкахъ на широкую арену пролетарской борьбы, развивалась безъ заранѣе принятаго организаціоннаго и агитаціоннаго плана; вмѣсто того, чтобы направлять, она сама направлялась естественно растущимъ рабочимъ движеніемъ и создававшейся вокругъ него революціонной атмосферой. „Массовое рабочее движеніе" на первой „стадіи" своего развитія, какъ и первоначальная соціальдемократическая агитація въ Екатеринославѣ, носили „чисто экономическій" характеръ. Вмѣшательство правительства, полиціи и жандармеріи во время крупныхъ стачекъ и рабочихъ волненій, характеризующихъ движеніе за 98 и 99 гг., было для комитета *внѣшнимъ* поводомъ, послѣ котораго онъ счелъ возможнымъ „начать" политическую агитацію. Характерное для экономизма искусственное отдѣленіе экономической агитаціи отъ политической, представленіе о развитіи въ пролетаріатѣ классового сознанія, какъ о процессѣ, проходящемъ одну за другой извѣстныя „стадіи", нашло себѣ мѣсто и въ Екатеринославѣ. Рабочее движеніе, вызванное до извѣстной степени революціонной соціальдемократической дѣятельностью, пріобрѣтало, по мѣрѣ своего роста, власть надъ своими руководителями, безсознательно подпадавшими подъ его вліяніе.

99-мъ годомъ заканчивается, можно сказать, первый періодъ въ исторіи екатеринославскаго соціальдемократическаго движенія, — періодъ „доисторическій" или „героическій", какъ его иногда называли. „Первые соціальдемократы", именно потому, что они были первыми, шли въ „дѣло" съ болѣе или менѣе значительнымъ теоретическимъ багажемъ. Ихъ дѣятельность и подготовительная организаціонно-пропагандистская работа среди рабочихъ создали необходимыя условія для успѣшнаго веденія широкой

массовой агитаціи. Но рядъ жандармскихъ набѣговъ, разразившихся надъ комитетами и организаціями заводскихъ рабочихъ, въ корнѣ подорвалъ развернувшееся было революціонное движеніе. Явившіеся на смѣну дѣятели, неимѣвшіе того революціоннаго опыта, который унесли съ собой выбитые изъ строя товарищи и теоретически менѣе подготовленные, должны были, несмотря на это, продолжать прерванное дѣло и продолжать, притомъ, при значительно усложнившихся общественныхъ и политическихъ отношеніяхъ. Частые „провалы“ не давали имъ укрѣпиться и сохранить преемственность своей революціонной работы. Екатеринославъ, какъ и другіе города, знаетъ въ своей исторіи такое время, когда вмѣсто комитета былъ лишь хранитель его регалій и имущества, связей въ обществѣ и среди рабочихъ; — и этому душеприкащику довольно долго пришлось ожидать появленія наслѣдника. Заводскіе кружки и ремесленные „цеховые“ союзы, оставшись безъ должнаго или совсѣмъ безъ всякаго руководства, кое-какъ влачили свое существованіе въ ожиданіи лучшихъ дней.

Въ концѣ іюня 1901 года въ Екатеринославъ пріѣхало нѣсколько соціальдемократовъ изъ интеллигенціи. Это произошло, разумѣется, совершенно случайно. Соціальдемократъ, выбирая городъ для своей дѣятельности, руководился обыкновенно, частными указаніями и совѣтами. Екатеринославъ же все еще жилъ на счетъ своей прошлой славы „героическаго“ періода. Кромѣ того, его массы рабочаго заводского населенія всегда имѣли и имѣютъ большую притягательную силу для революціонеровъ. Предъ съѣхавшимися дѣятелями стояла нелегкая задача „собиранія земли“, устройства и укрѣпленія всевозможныхъ связей, созданія средствъ и организаціи, — созданія аппарата для своей революціонной соціальдемократической дѣятельности. При тѣхъ общихъ партійныхъ условіяхъ, при которыхъ эту дѣятельность приходилось вести и въ зависимости отъ имѣвшагося революціоннаго и организаціоннаго опыта, эта задача могла быть выполнена двояко. Не выступая оффиціально въ качествѣ комитета, группа дѣятелей могла предстоящую работу распредѣлить между собой такимъ образомъ, чтобы расшатанное и полуразрушенное организаціонное зданіе одновременно возстановлялось и укрѣплялось во всѣхъ своихъ частяхъ. Добываніе средствъ и связей въ обществѣ, изысканіе постоянныхъ денежныхъ источниковъ, образованіе кружковъ для пропаганды и болѣе или менѣе правильная постановка и систематическое ея веденіе, организація сношеній съ другими городами и литературными группами, созданіе техники для широкой массовой агитаціи, — словомъ, вся подготовительная работа, необходимая для широкой положительной дѣятельности, могла быть сдѣлана исподволь, безъ того, чтобы въ одно время съ этимъ взять на себя отвѣтственность за общее руководство движеніемъ въ городѣ. Укрѣпивъ такимъ путемъ свою позицію центра, можно было объявить себя комитетомъ, т. е. оффиціальнымъ и фактическимъ представителемъ движенія. Этотъ путь казался длиннымъ и труднымъ, но при существовавшей дезорганизованности рабочихъ и при полномъ отсутствіи какихъ бы то ни было средствъ для регулярной активной дѣятельности былъ наиболѣе правильнымъ и вѣрнымъ. Можно

было, однако, приступить къ дѣятельности, объявить себя преемникомъ разбитаго комитета, пріобрѣтая вмѣстѣ съ именемъ его права и всю его оффиціальную власть. Но комитетскія права имѣли и свою оборотную сторону, — онѣ влекли за собой и крупныя обязанности. За долгое „смутное время", царившее втеченіи двухъ почти лѣтъ, идея комитета потеряла свое значеніе въ глазахъ организованныхъ рабочихъ. Его авторитетъ и довѣріе къ нему могли быть возстановлены лишь усиленной дѣятельностью, фактическимъ выполненіемъ всѣхъ необходимыхъ его функцій. Каждый шагъ, возстановленнаго при такомъ отношеніи комитета, долженъ былъ встрѣчаться особенно критически и малѣйшая неудача или оплошность грозила окончательно подорвать его кредитъ.

Эта дилемма едва ли была ясно сознана съѣхавшимися дѣятелями. Иначе, выбравъ второй изъ двухъ возможныхъ способовъ укрѣпленія и развитія движенія, они примѣняли бы его со всей требующейся въ этомъ случаѣ осмотрительностью. Первый же, до извѣстной степени неизбѣжный шагъ новаго комитета былъ крупной ошибкой, повлекшей за собой цѣлый рядъ тяжелыхъ послѣдствій.

Были созваны руководители организацій и кружковъ среди ремесленниковъ и заводскихъ рабочихъ, чтобы черезъ ихъ посредство войти въ связь со всей организованной и неорганизованной рабочей массой. Нѣсколько этихъ рабочихъ, человѣкъ восемь или девять, составили такъ называемый „рабочій комитетъ". Для связи съ нимъ и желательнаго руководства въ составъ его входили три члена „конспиративнаго" или „интеллигентнаго" комитета. По смыслу неписаннаго устава, взаимныя отношенія этихъ двухъ учрежденій были таковы, что ни одна мѣра не могла быть принята безъ общаго согласія. „Верхняя" и „нижняя палаты", „палата лордовъ" и „палата общинъ", какъ скоро стали называться оба комитета, должны были въ силу своего положенія рано или поздно стать въ антагонистическое отношеніе другъ къ другу. Хотя это вовсе не входило въ планы „интеллигентнаго" комитета, власть и прерогатива, дающаяся именемъ комитета, должна была быть раздѣлена между обоими центрами. Въ случаѣ разногласія „интеллигенты", быть можетъ, надѣялись на убѣдительность своей рѣчи, своихъ аргументовъ, на силу своего умственнаго авторитета, но едва ли они имѣли на это основаніе, ибо довѣрія къ комитету, какъ къ руководителю, еще не было, — его нужно было еще лишь пріобрѣсти. Оба центра, повидимому, были облечены равной властью и равными правами. Однако, и это было только повидимому. На самомъ дѣлѣ, если юридически они были равноправны, то фактически дѣйствительная власть была въ рукахъ „рабочаго комитета", потому что всѣ сношенія съ рабочей массой могли вестись только черезъ него. Правда, отношеніе это могло современемъ измѣниться. Рядомъ разумныхъ мѣръ, доставкой литературы и денегъ, изданіемъ прокламацій, — словомъ, выполненіемъ всѣхъ возложенныхъ на „конспиративный" комитетъ функцій, послѣдній упрочилъ бы довѣріе къ себѣ, сдѣлалъ бы свой авторитетъ въ дѣлѣ руководства движеніемъ неоспоримымъ. Но все это было

только впереди. Вмѣсто того, чтобы заслужить его, довѣріе было потребовано и взято авансомъ.

Послѣ образованія „рабочаго“ комитета городъ былъ подѣленъ на три „района“: два заводскихъ: „Брянскій“ и „Амурскій“ и одинъ ремесленный или „городской“ районъ. Въ каждомъ изъ нихъ комитетъ приступилъ къ необходимымъ, на его взглядъ, преобразованіямъ.

Ремесленники были организованы по цехамъ. Каждый цехъ имѣлъ свою кассу и „цеховую сходку“ во главѣ, которая управляла его дѣлами, вела устную агитацію и принимала новыхъ членовъ. Представители „цеховыхъ сходокъ“ составляли „представительскую“ или „междуцеховую сходку“, касса которой наполнялась извѣстными процентными взносами изъ отдѣльныхъ цеховыхъ кассъ. Каждый цехъ вѣдалъ свои дѣла совершенно самостоятельно. Рабочіе одной профессіи, организованные въ свой цехъ, мало или ничего не знали о жизни рабочихъ другихъ профессій. Даже пропагандистскіе кружки набирались изъ рабочихъ, состоявшихъ членами одного цеха. Куда бы рабочій ни обращался, онъ всюду и вездѣ встрѣчался съ условіями и интересами своего лишь ремесла. Вмѣсто того, чтобы расширить его горизонты, развивая въ немъ сознаніе солидарности со всѣмъ рабочимъ классомъ, организація способствовала лишь закрѣпленію проснувшагося классоваго чувства на первой, самой примитивной стадіи его развитія.

Все это, по мнѣнію комитета, подлежало одной только перестройкѣ. Не было вопроса о томъ, годится ли, вообще, данный матеріалъ для постройки чего-нибудь новаго, болѣе цѣлесообразнаго. Комитетъ вступилъ во владѣніе оставленнымъ ему наслѣдствомъ, не задумываясь о его цѣнности. Надо было, какъ ему казалось, не ломая стараго зданія цеховыхъ союзиковъ, такъ измѣнить отношенія въ предѣлахъ имѣвшейся, плохо скрѣпленной, профессіональной организаціи, чтобы больше приспособить ее къ задачамъ политической борьбы, чтобы рабочему дѣйствительно стала ясна его связь со всѣмъ рабочимъ классомъ.

Для начала были устроены одно или два собранія изъ болѣе активныхъ организованныхъ ремесленниковъ. На собраніяхъ присутствовало около 60-70 человѣкъ. На нихъ было провозвѣщено объ образованіи новаго комитета и заслушаны, такъ сказать, жалобы рабочихъ. Жалобъ этихъ было много. Нелегальной литературы почти совсѣмъ не было; занятія въ кружкахъ, если гдѣ и были, велись вяло и не возбуждали интереса; общее управленіе дѣлами шло изъ рукъ вонъ плохо; главная же бѣда, по словамъ рабочихъ, заключалась въ отсутствіи живого дѣла. Одна только устная агитація въ мастерскихъ, „агитированіе“ одиночныхъ рабочихъ никого больше не удовлетворяло. Хотѣлось новой, широкой и захватывающей революціонной дѣятельности. Что движеніе переросло свои рамки, ясно было и для рабочихъ, и эта мысль выражалась въ ихъ сознаніи вопросомъ „что дѣлать?“, настойчиво ими выдвигаемымъ въ бесѣдахъ съ представителями новообразовавшагося комитета. Это броженіе среди рабочихъ какъ бы шло навстрѣчу его намѣреніямъ и сулило, какъ ему казалось, благодарную почву для ихъ осуществленія.

Въ планъ „реформы“ посвятили лишь нѣсколько самыхъ сознательныхъ и активныхъ ремесленниковъ, пользовавшихся большимъ вліяніемъ среди организованныхъ рабочихъ. Со стороны послѣднихъ можно было ожидать противодѣйствія, такъ какъ они, не смотря на потребность въ чемъ-то новомъ, слишкомъ свыклись съ той организаціей, которая у нихъ сложилась и, въ силу естественнаго консерватизма, склонны были съ недовѣріемъ относиться ко всякаго рода нововведеніямъ. Проектируемое же нововведеніе дѣйствительно могло показаться страннымъ, и посвященными въ него интеллигентными рабочими на первыхъ порахъ было встрѣчено довольно скептически. Сущность его заключалась въ слѣдующемъ. Основнымъ элементомъ организаціи до тѣхъ поръ считался цехъ, организованнымъ рабочимъ — членъ цеха. Въ проектѣ же „ячейкой“ организаціи признавался кружокъ, составлявшійся изъ 6-7 человѣкъ и предназначавшійся для обязательной (въ данномъ случаѣ для комитета) пропаганды[1]). Члены кружка, принадлежа къ различнымъ профессіямъ, группировались „на основѣ одинаковаго уровня развитія и взаимной симпатіи“. Кружки имѣли своихъ кружковыхъ представителей, „наиболѣе интеллигентные и активные“ изъ которыхъ, какъ гласилъ впослѣдствіи написанный уставъ, составляли „ядро“ организаціи. Ядро интеллигентныхъ рабочихъ — это былъ тотъ остовъ, на которомъ должна была держаться организація и вся та масса неорганизованныхъ рабочихъ, на которыхъ послѣдняя сумѣла бы распространить свое вліяніе. „Центромъ“ организаціи являлись семь человѣкъ. Двое изъ нихъ назначались комитетомъ для посредничества, руководства и „внесенія инициативы“ въ дѣла организаціи, остальные же выбирались ядромъ изъ своей среды. Центръ считался „исполнительнымъ органомъ“ ядра, безъ котораго никакая „законодательная“ мѣра не могла быть принята. Ядро собиралось каждые полгода для полученія отъ центра отчета въ его дѣятельности, для выбора новаго центра или утвержденія въ должности прежнихъ его членовъ.

Такова была та организація, которая, какъ полагалъ комитетъ, должна была развить „самодѣятельность“ рабочихъ, главнымъ же образомъ, соотвѣтствовала задачамъ широкой политической борьбы. Изъ одного и того же организаціоннаго матеріала были вылѣплены двѣ фигуры: оставленная безъ измѣненій федералистическая профессіонально цеховая организація и, какъ ее окрестили рабочіе, организація кружковая. Новое содержаніе соціальдемократической дѣятельности требовало новыхъ формъ. Для ихъ выработки комитетъ вытащилъ на свѣтъ божій, сданную въ архивъ, идею кружковой организаціи въ ея зачаточной формѣ и прицѣпилъ къ ней рудименты цеховыхъ союзовъ. Что было новаго и правильнаго въ „реформѣ“, — идея „ядра интеллигентныхъ и активныхъ рабочихъ“, — не могло дать никакихъ плодотворныхъ результатовъ. Наоборотъ, поставленные въ ненормальныя условія въ своей дѣятельности, эти „наиболѣе актив-

1) Обязательный для комитета потому, что, объѣзжая пропаганду, онъ только шелъ навстрѣчу требованію рабочихъ.

рые" рабочіе вредили, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго изложенія, дѣламъ организаціи и тормозили ея работу.

Чтобы популяризовать „идею" новой организаціи и ея планъ, было устроено нѣсколько собраній, по 8 10 человѣкъ въ каждомъ, въ которыхъ говорились рѣчи на тему о необходимости политической борьбы и обусловливаемой ею перестройки существующихъ организаціонныхъ отношеній. Пока говорилось о политической борьбѣ и ея задачахъ, рабочіе обнаруживали живѣйшій интересъ и относились съ видимымъ одобреніемъ къ говорившимъ; но когда рѣчь заходила о новой организаціи, они, по большей части, занимали по отношенію къ ней пассивное выжидательное положеніе, изрѣдка же дѣлали кое-какія слабыя возраженія противъ проекта. Кромѣ чувства косности, нежеланія разставаться со старыми формами организаціонной жизни, въ нихъ шевелилось смутное пониманіе непригодности и непрактичности вводимой „реформы". Но еще меньше, чѣмъ комитетскіе прожектеры, они въ состояніи были понять, въ чемъ эта непригодность заключалась и внести свои собственныя улучшенія. Начиналась новая жизнь. „Массѣ" организованныхъ рабочихъ, по терминологіи цеховыхъ вожаковъ, „реформа" обѣщала „развитіе". Предстояла выработка устава организаціи, конституированіе ядра и центра. Все это было чрезвычайно занятно и на нѣкоторое время какъ будто давало отвѣтъ на мучившій рабочихъ вопросъ: „что дѣлать?".

Получивъ молчаливое согласіе рабочихъ, комитетъ пошелъ дальше въ своихъ начинаніяхъ. По совѣту съ интеллигентными рабочими, посѣщавшими вмѣстѣ съ комитетскими вышеописанныя собранія, была отобрана часть „наиболѣе активныхъ и сознательныхъ" рабочихъ и названа ядромъ. На состоявшемся вслѣдъ за этимъ собраніи его былъ выбранъ центръ, ближайшая задача котораго состояла въ выработкѣ устава. Для окончательнаго утвержденія уставъ долженъ былъ быть представленъ ядру. Наградженное властью законодательнаго собранія, ядро собралось съ этой цѣлью въ одинъ изъ ближайшихъ праздничныхъ дней. Интеллигентный рабочій, посредникъ, докладывалъ собранію отъ имени центра организаціонный уставъ. Во вступительномъ словѣ къ нему онъ говорилъ, что по конспиративно-полицейскимъ условіямъ нѣтъ возможности послѣдовательно придерживаться „принципа демократизма". Конспиративныя соображенія и демократическія требованія по существу своему взаимно исключаются. Поэтому, говорилъ онъ, въ выработкѣ устава, центръ старался найти ту среднюю линію, которая позволила бы соединить maximum демократическихъ требованій и minimum конспиративныхъ предохранительныхъ мѣръ. Необходимостью выработать такую среднюю линію докладчикъ объяснялъ, бросавшіяся въ глаза, противорѣчія устава[1]). По этимъ словамъ

[1]) Такъ, напр., „выборное начало" вступало въ силу только въ ядрѣ. Ядро же само, вначалѣ назначенное, впослѣдствіи пользовалось правомъ самопополненія. Принципъ отвѣтственности устанавливался лишь по отношенію къ ядру. „Масса" же организованныхъ рабочихъ „правами" не обладала.

докладчика можно судить о томъ, какъ мало связывалась „руководящими сферами“ необходимость введенной „реформы“ съ задачами политической борьбы и тѣми реальными условіями, при которыхъ эти задачи разрѣшались. Въ своихъ организаціонныхъ представленіяхъ революціонеры изъ центра и, санкціонировавшій ихъ работу, комитетъ жили между „демократическимъ принципомъ“, понятымъ абстрактно, какъ одно изъ велѣній соціальдемократическаго вѣроисповѣданія, и тѣми начатками конспиративнаго опыта, на которые они не могли не натолкнуться при первыхъ же шагахъ своей революціонной дѣятельности. Хотя опытъ и говорилъ имъ, что полицейско-жандармская атмосфера — плохой климатъ для произрастанія цвѣтовъ демократизма, однако, при необходимости предпочесть одинъ „принципъ“ другому, они все же оказывались ближе къ небу, чѣмъ къ землѣ, стремясь до minimum'а урѣзать необходимыя въ революціонной жизни предосторожности, лишь бы не измѣнить своему „демократическому принципу“, лишь бы сохранить его въ возможно болѣе полномъ видѣ. Самый уставъ заключалъ въ себѣ отъ 30 до 35 или 40 параграфовъ, которыми устанавливалась значеніе и нормировались отношенія всѣхъ звеньевъ организаціи, начиная ея основнымъ элементомъ — кружкомъ, продолжая кружковыми представителями и ядромъ и кончая ея вершиной — центромъ[1]). Больше, чѣмъ на что-либо другое, ядро обратило вниманіе на тѣ функціи и „права“, которыя ему предоставлялись уставомъ. Функціи „кружкового представительства“ казались членамъ ядра маловажными и неспособными дать удовлетвореніе ихъ жаждѣ дѣла. Съ другой стороны, имъ трудно было понять характеръ ядра, какъ „законодательнаго собранія“. Казалось страннымъ, что „исполнительный органъ“, на что члены ядра дѣлали особое удареніе, могъ втеченіи полугода „все дѣлать“, тогда какъ полноправное ядро пользовалось за это время лишь правомъ контроля и выбора „центровиковъ“. Члены центра въ отвѣтъ на это разъясняли отношеніе выборнаго правленія, дѣйствующаго на основаніи извѣстнаго устава, къ общему собранію, этотъ уставъ выработавшему, доказывали ядру, что его общая задача — во вліяніи и руководствѣ массой организованныхъ и неорганизованныхъ рабочихъ, непосредственная же обязанность — въ выполненіи всей той работы, которую центръ предприметъ въ цѣляхъ постановки пропаганды и веденія широкой печатной агитаціи. Послѣ очень длинныхъ дебатовъ уставъ былъ принятъ. Періодъ учредительства закончился. Центръ могъ теперь предпринять всѣ необходимыя мѣры къ „преуспѣянію“ организаціи и росту ея вліянія.

Тѣмъ временемъ остальные члены комитета вносили „порядокъ“ въ дѣла заводскихъ рабочихъ. Выстроить имъ, однако, такую же организацію, какою опъ осчастливилъ ремесленниковъ, комитетъ не могъ, по той простой причинѣ, что не было матеріала, — было чрезвычайно мало организованныхъ рабочихъ. На оба „района“ съ ихъ многотысячнымъ заводскимъ рабочимъ

---

1) Здѣсь интересно отмѣтить, что составители устава не знали Петербургскаго „Устава союзной рабочей организаціи“ 1900 г.

населеніемъ приходилось лишь нѣсколько десятковъ, — человѣкъ 60 или 70, — сознательныхъ рабочихъ. Дѣлать было нечего. Ограничились пока образованіемъ однихъ только „центровъ". Время должно было дать возможность додѣлать остальное.

Такимъ образомъ, городъ былъ опутанъ цѣлою сѣтью учрежденій, отношенія, „права" и функціи которыхъ сталкивались и взаимно перекрещивались и ни въ коемъ случаѣ не могли дать въ результатѣ ту гибкую, всюду проникающую организацію, которая была бы приноровлена къ существующимъ конспиративно-полицейскимъ условіямъ и къ задачамъ широкой политической борьбы. Это былъ сложный и запутанный переплетъ федералистическихъ и автономныхъ отношеній, въ которомъ вліяніе комитета проходило едва замѣтной ниткой. Каждый центръ, независимый въ своемъ „районѣ", съ правомъ безконтрольнаго со стороны „верхней камеры" изданія „экономическихъ" листковъ, посылалъ по два-три представителя въ „рабочій" комитетъ, который „конспиративный" комитетъ, въ свою очередь, пополнялъ своими тремя членами. Въ центры, выбираемые организованными рабочими среди ремесленниковъ—ядромъ, комитетъ назначалъ отъ себя еще по одному или по 2 посредника. Не менѣе запутаны были взаимныя отношенія „ядровиковъ" и „кружковыхъ представителей". Но что нужды! Зато была создана большая, на весь городъ, организація, дававшая, какъ казалось, широкій просторъ для революціонной дѣятельности. Въ своемъ стремленіи пошире намѣтить рамки для своей работы, не сообразуясь со своими силами и средствами, „иниціативный" комитетъ зашелъ такъ далеко, что послѣдній остатокъ добытой нелегальщины вмѣстѣ съ накупленной легальной литературой отправилъ въ Александровскъ и Каменское, съ которыми въ добрую старину были завязаны и поддерживались связи. Невольно вспоминается одна сказка про русскаго жаднаго до земли мужика. Наслышавшись о чрезвычайной ея дешевизнѣ въ башкирскихъ степяхъ, нашъ мужикъ собрался съ деньгами и отправился ее покупать. Условія купли и продажи были довольно оригинальны. Съ разсвѣтомъ продавцы со своими покупателями пошли въ степь; здѣсь, выбравши мѣсто и усѣвшись на немъ, башкиры забрали у мужика его деньги и предложили ему въ собственность столько земли, сколько онъ въ состояніи будетъ обойти, вернувшись обратно до солнечнаго заката. Не помня себя отъ радости, мужикъ пустился въ путь. Условіе онъ помнилъ твердо. Но земля была тучная, хорошая, по пути попадались то жирный лужокъ, то удобный клинышекъ. Мужикъ забиралъ все больше и все дальше. Солнце между тѣмъ садилось. Спохватившись, мужикъ спѣшитъ уже обратно къ тому мѣсту, гдѣ заложены были его деньги. Все больше и больше онъ напрягаетъ свои силы, которыя совершенно его оставляютъ, и, добѣжавши, наконецъ, до мѣста, замертво на немъ падаетъ... Становилось ясно, что, взваливъ на себя непосильную ношу, комитетъ спуталъ себя вдобавокъ по рукамъ и по ногамъ.

II.

Первымъ дѣломъ „городского“ центра, вступившаго въ исполненіе своихъ обязанностей, была организація кружковъ для пропаганды, причемъ, согласно уставу, они должны были быть набраны изъ рабочихъ различныхъ ремеслъ и одинаковаго уровня развитія. Центръ принялся за работу съ рвеніемъ и энергіей, достойнымъ лучшей участи. Но при всемъ его стараніи эта работа Сизифа не ладилась. „Центровики“ и привлеченные къ нимъ на совѣтъ и въ помощь члены ядра, образовавшіе спеціальную „кружковую коммиссію“, выбивались на ней изъ силъ. Все ихъ время уходило на сзываніе членовъ кружка въ назначенное мѣсто, сведеніе его съ пропагандистами, доставку въ кружокъ читавшейся въ немъ брошюры. Не успѣвали наладиться занятія въ кружкѣ, какъ онѣ уже разстраивались: то квартира „проваливалась“, то пропагандистъ отказывался отъ занятій или рабочіе отъ своего пропагандиста, то книжки не успѣвали доставить въ условленный часъ или же свиданіе, по недоразумѣнію, не могло состояться. Стоило почему либо одному чтенію не состояться, какъ налаживаніе кружка приходилось начинать сызнова. Хлопотъ мелкихъ и докучныхъ было безконечное множество. Напрягая всѣ свои силы и убивая почти все свое свободное время, центръ съумѣлъ лишь въ шести или семи кружкахъ, составленныхъ, главнымъ образомъ, изъ членовъ ядра, сколько нибудь регулировать занятія.[1]) Относительно содержанія пропаганды и способа ея веденія, комитетъ такъ же мало думалъ, какъ и о ея постановкѣ. Безъ его активнаго вмѣшательства, по иниціативѣ одного изъ пропагандистовъ, 12 или 14 человѣкъ изъ нихъ устроили собраніе для выработки программы пропаганды. На собраніи была принята резолюція, по которой назначеніемъ пропаганды являлось воспитаніе въ рабочихъ „соціалистическаго мышленія“ наряду съ „революціоннымъ настроеніемъ“. Однако, это хорошее дѣло застряло на первомъ же шагу своего развитія и осталось „безъ послѣдствій“. Въ дальнѣйшемъ веденіе пропаганды оказалось

---

[1]) Слѣдующій фактъ даетъ представленіе о томъ, съ какимъ трудомъ эта регулярность давалась и отъ чего она зависѣла. На весь городъ со всѣми его районами имѣя одинъ лишь экземпляръ „Эрфуртской Программы“. Такъ какъ занятія у заводскихъ рабочихъ начались раньше, то первыя 80 страницъ этой книжки были отданы въ распоряженіе „городского“ центра. Дорогими страницами центръ распорядился весьма экономно: ими должны были пользоваться три кружка, по два раза въ недѣлю каждый.

всецѣло предоставленнымъ на страхъ и совѣсть каждаго отдѣльнаго пропагандиста.

Еще того хуже шла агитаціонная дѣятельность „городского“ центра. Если не считать устной агитаціи въ мастерскихъ, результаты которой, по необходимости, были крайне мизерны, никакой дѣятельности въ этомъ отношеніи не велось. Весь поглощенный устройствомъ кружковъ для пропаганды, центръ ничего не успѣвалъ предпринять въ области агитаціи. Революціонная работа, неудачно направленная, оказалась на нѣсколько мѣсяцевъ отброшенной къ своему первобытному состоянію. За первый періодъ существованія центра былъ изданъ одинъ только „экономическій“ листокъ (въ весьма ограниченномъ количествѣ: отъ 60-70 экземпляровъ) къ рабочимъ „цеха“ гладильщиковъ, начавшихъ къ тому времени организоваться. Обстоятельства, которыми сопровождалось изданіе листка, лучше всего характеризуютъ положеніе комитета. Листокъ составлялся два или три раза, т. к. каждый разъ невѣрно передавались или не умѣло группировались факты, рисовавшіе положеніе, вовлекаемаго въ организацію, ремесла. Когда же, наконецъ, листокъ былъ утвержденъ, то понадобилось двѣ недѣли, чтобы его отгектографировать.

Многообѣщавшая „реформа“ не оправдывала возложенныхъ на нее надеждъ. „Массу“ организованныхъ рабочихъ она обѣщала ввести въ долго жданное царство „развитія“. Между тѣмъ, они ни на шагъ не придвинулись къ нему ближе и ихъ чаянія оказались напрасными. Наиболѣе же активныхъ рабочихъ она обманула въ ихъ потребности живого дѣла. Недовольство, — не „реформой“, а центромъ, бывшимъ, какъ полагали рабочіе, всему виной, росло, передаваясь отъ „массы“ къ ихъ представителямъ въ „ядро“. Надо было, волновалось оно, смѣстить этотъ центръ, выработавшій такой плохой уставъ и оказавшійся до такой степени „недѣятельнымъ“. „Ядровикамъ“ не приходило даже въ голову, что плохъ былъ планъ введенной организаціи, и что виною всему была неумѣлость комитета. Отвѣтственнымъ предъ ними учрежденіемъ былъ центръ и его то они привлекли на свой судъ.

Срокъ полномочій центра далеко еще не окончился, не прошло еще и трехъ мѣсяцевъ со дня его образованія, какъ ядро, пользуясь предоставленнымъ ему уставомъ правомъ, уже собралось. На собраніи, длившемся 12 часовъ кряду, члены ядра дали волю своему накопившемуся недовольству. Корень всего зла, по ихъ мнѣнію, заключался въ томъ, что сознательные и интеллигентные рабочіе были устранены уставомъ отъ активнаго участія въ дѣлахъ. Но этотъ совершенно правильный взглядъ уродливо искажался ихъ практическими предложеніями. Уставъ, надъ которымъ такъ много и такъ долго трудились, пріобрѣлъ надъ всѣми и прежде всего надъ ними магическое дѣйствіе. Въ его силу и необходимость они такъ вѣрили, что стоило только, по ихъ мнѣнію, перемѣстить его пункты, чтобы жизнь пошла по желанному. Уставъ надо было, настаивали они, измѣнить въ томъ направленіи, чтобы ядро „само рѣшало всѣ дѣла орга-

низаціи". Парламентское равновѣсіе между „законодательнымъ" ядромъ и „исполнительнымъ" центромъ продолжало имъ казаться непонятнымъ и даже подозрительнымъ. Разъ „исполнительный органъ", разсуждали „ядровики", то и надо ему „исполнять" все то, что „рѣшитъ" ядро — „законодательное" учрежденіе организаціи. Организаціонныя отношенія, по ихъ пониманію, оказывались поставленными на голову. „Бумажная", выразившаяся въ уставѣ, конституція, становилась центромъ ихъ вниманія, превращалась для нихъ въ самоцѣль и направляла ихъ мысль и стремленія въ сторону отъ живого революціоннаго дѣла.

Не лучше, однако, представлялось дѣло и ихъ руководителямъ, отстаивавшимъ предъ ними существовавшій порядокъ вещей Члены центра и явившіеся на собраніе комитетскіе доказывали, что невозможно предоставить ядру управленіе дѣлами организаціи, съ одной стороны, потому, что это не допускалось конспиративно-полицейскими условіями, а съ другой, — условіями дѣла, требовавшаго наличности гибкаго аппарата, состоящаго лишь изъ нѣсколькихъ человѣкъ. Что касается того, дѣятеленъ или недѣятеленъ центръ, то, по мнѣнію комитетскихъ и защищавшихся „центровиковъ", время, втеченіе котораго центръ функціонировалъ, не давало еще достаточно матеріала для такого сужденія, особенно въ виду всей массы возложенной на него работы. Слишкомъ же частая смѣна членовъ центра можетъ нанести вредъ организаціи, передавая управленіе ею новымъ непривычнымъ товарищамъ. Руководители движенія не замѣчали, что, поскольку всѣ ихъ разсужденія были вѣрны, они не могли служить въ защиту существовавшей организаціи, а только подчеркивали ея несостоятельность. „Центровики" и комитетскіе понимали, что требовалось для правильнаго руководства движеніемъ, точно такъ же, какъ „ядровикамъ" было ясно, что, какъ работники, они должны въ немъ играть главную роль. Но и тѣ, и другіе попадали въ заколдованный кругъ, изъ котораго они никакъ не могли выбраться, какъ только вопросъ касался того, какими именно путями и способами провести свои взгляды въ жизнь. Аргументація руководителей въ своей лучшей части встрѣтила пониманіе, но, лишь наполовину убѣжденное, ядро провело, однако, выборъ новаго центра и сокращеніе срока его дѣятельности на три мѣсяца. Въ виду конспиративности выборовъ, въ центръ, впрочемъ, попали за однимъ только исключеніемъ всѣ его прежніе члены.

Это была первая буря, пережитая комитетомъ, наглядно показывавшая ему всю неправильность принятой имъ системы дѣятельности и полную непригодность искусственно надуманной „реформы". Пока она разразилась надъ ближайшимъ проводникомъ его плана, — надъ центромъ. Но трудности, съ которыми послѣдній такъ безуспѣшно боролся при его проведеніи, мало-по-малу выясняли его членамъ настоящую цѣну рекламированнаго проекта. Вмѣстѣ съ этимъ неизбѣжно должно было пасть ихъ довѣріе къ комитету. Недовольство „массы", переходя въ ядро, обращалось противъ центра; отсюда оно должно было направиться противъ комитета.

Если не было „ладу“ съ „бунтовщиками“-ремесленниками, то предъ лицомъ гораздо болѣе серьезнаго явленія, имѣвшаго мѣсто среди заводскихъ рабочихъ, комитетъ окончательно спасовалъ. Начиная свою дѣятельность въ заводскихъ „районахъ“, онъ лелѣялъ мечту расширить сферу своего вліянія съ ничтожной кучки рабочихъ на всѣ огромныя массы городскихъ поселковъ. Но между розовой мечтой и суровой дѣйствительностью лежала глубокая пропасть. Надъ „отечественной“ промышленностью нависъ острый и продолжительный кризисъ. Югъ Россіи съ его огромными металлургическими заводами особенно тяжело страдалъ подъ его гнетомъ. Производство сокращалось на половину, на три четверти. Рабочихъ разсчитывали сотнями и тысячами. Выброшенные на улицу, они губернаторской властью отправлялись, часто „по этапу“, на родину. Комитетъ стоялъ предъ этимъ грознымъ явленіемъ, не умѣя ни понять его, ни занять должнаго къ нему отношенія. Рабочіе чрезъ своихъ руководителей безпрестанно обращались къ комитету, ища у него совѣта и помощи. А комитетъ выпускалъ гектографированныя „бумажки“, съ каждой изъ которыхъ престижъ его у организованныхъ рабочихъ падалъ все ниже и ниже. Первая изъ этихъ прокламацій, обращенная къ рабочимъ одного изъ заводовъ, призывала ихъ къ стачкѣ съ требованіемъ экономическихъ улучшеній. Это — во время кризиса, когда и безъ того каждый день рабочихъ отпускали массами! Само собой разумѣется, что „бумажка“ никакого отклика не нашла. Терявшійся все больше комитетъ издаетъ вторую прокламацію къ рабочимъ другого завода, въ которой предлагаетъ имъ, соединившись, выставить требованіе, чтобы при разсчетѣ давалась плата за мѣсяцъ впередъ и билетъ на проѣздъ до родины. Своей нелегальной агитаціей революціонный комитетъ освящалъ, такимъ образомъ, дѣйствія „власти предержащей“! Наконецъ, третья прокламація „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ г. Екатеринослава“ разъясняла связь промышленныхъ кризисовъ съ капиталистическимъ строемъ и призывала рабочихъ „на улицу“. Это былъ единственно правильный путь, на который могъ и долженъ былъ вступить комитетъ. Но только это нужно было иначе сдѣлать. Вычурный цвѣтистый языкъ дѣлалъ прокламацію столь же чуждой рабочимъ, какъ чужды имъ были и предыдущія „бумажки“. Но, главное, комитетъ, повидимому, не понималъ, что демонстрацію необходимо подготовить политически, долгой и упорной агитаціей, которая превратила бы угнетенныхъ и пришибленныхъ невзгодами рабочихъ въ революціонеровъ-протестантовъ, что демонстрацію необходимо подготовить организаціонно, что массы нельзя двинуть однимъ лишь росчеркомъ пера, а что для этого ихъ надо предварительно связать съ общимъ центромъ многими и крѣпкими организаціонными нитями. Чего не знали „интеллигенты“ изъ „конспиративнаго“ комитета, то хорошо зналъ „рабочій“ комитетъ, и онъ былъ призванъ къ тому, чтобы преподать имъ урокъ революціонной и политической мудрости. „Рабочій“ комитетъ прокламаціи не одобрилъ, и она не могла быть распространена[1]).

[1]) Практическіе ремесленники въ центрѣ рѣшили все-таки

Но на этомъ дѣло не могло уже остановиться. Районные центра, не ожидая ничего болѣе разумнаго отъ комитетской политики, будучи „сыты его хозяйствомъ", отозвали своихъ посланниковъ изъ „рабочаго" комитета. Этимъ они выразили свой отказъ отъ совмѣстной съ комитетомъ дѣятельности.

Не все еще, однако, было потеряно. Съ рабочими организаціями у комитета была и другая связь — его посредники въ каждомъ изъ центровъ. Но то, что при другихъ отношеніяхъ послужило бы ему на пользу, теперь не могло больше помочь. На трехъ-четырехъ этихъ посредникахъ лежала вся комитетская работа: завѣдываніе литературными складами и техникой, поддерживаніе связей въ обществѣ, добываніе денегъ, адресовъ, квартиръ, сношенія съ пропагандистами, посредничество между центрами и комитетомъ. Въ то время, когда остальные члены комитета, придерживаясь рутиннаго взгляда, по которому комитетъ долженъ быть законспирированъ даже предъ передовыми рабочими (это — политическіе дѣятели!), очень рѣдко гдѣ либо появлялись, „молодые" его члены, правильнѣе понимая свои обязанности, были положительно вездѣсущи. Ихъ можно было встрѣтить и на организаціонныхъ собраніяхъ центровъ, и за пропагандой въ кружкахъ, за агитаціей на „цеховыхъ" собраніяхъ, ихъ можно было видѣть на улицѣ, наблюдающихъ за распространеніемъ прокламацій. „Старики" же изрѣдка занимались пропагандой, а въ общемъ писали „бумажки", „руководили" и „вносили инициативу". Какъ ни ненавистенъ былъ рабочимъ этотъ невѣдомый, заоблачный комитетъ, — на „молодыхъ" это отношеніе не распространялось. Искушенные въ политикѣ управленія „центровики" понимали и видѣли, какъ „молодые", заботясь о поддержаніи престижа комитета, всячески „замазывали" его грѣхи, и „мотали это себѣ на усъ".

Заводскіе рабочіе отказались отъ комитета, чтобы — не зная, какъ помочь себѣ — поглубже уйти въ свою кружковщину. Активные и дѣловитые ремесленники не могли помириться съ такой революціонной долей.[1]) До „массы" организованныхъ рабочихъ очень глухо доходили столкновенія, происходившія на верхахъ ихъ организаціонной іерархіи, да они и не могли бы ихъ заинтересовать. При данномъ организаціонномъ строѣ ихъ желанія и стремленія никогда не шли дальше того, чтобы получить „развитіе" и съ этой цѣлью попасть въ „кружокъ", и чтобы было побольше нелегальной литературы. Разочарованное же „ядро" угомилось „мечтать" о большомъ дѣлѣ и перестало „бунтоваться". Недовольство его членовъ, дойдя до центра, въ немъ и сосредоточилось. Понимая, какъ безуспѣшна была вся ихъ

распространить прокламацію: „хорошо хоть что-нибудь", говорили они, подбирая доставшіеся имъ 2000 листковъ. „На улицу", разумѣется, ни одинъ человѣкъ не вышелъ.

[1]) Активнѣе заводскихъ рабочихъ ремесленники были въ силу своего болѣе высокаго уровня революціонно-соціалистическаго сознанія, сравнительно съ „брянскими" и „амурскими" рабочими, которые еще очень мало были втянуты въ общее русло революціоннаго движенія.

работа, члены центра жаждали вознаградить себя и всѣми силами стремились къ живому дѣлу. Жажда его разгорѣлась въ нихъ до страсти. Мало заботясь о судьбѣ комитета и не имѣя никакихъ другихъ средствъ, кромѣ своей личной революціонной энергіи, они рѣшили организовать группу агитаторовъ изъ восьми или десяти человѣкъ, чтобы на большихъ, сравнительно, собраніяхъ организованныхъ и неорганизованныхъ рабочихъ говорить рѣчи на всевозможныя политическія темы. „Пусть мы скоро сгоримъ, говорили они, пусть насъ черезъ мѣсяцъ или два заберутъ, но зато мы хотя что-нибудь сдѣлаемъ! Хоть немного пожить, но — пожить!...“ Въ группу агитаторовъ они приглашали и своихъ посредниковъ.

Не трудно понять, что бы изъ этого вышло. Послѣ пяти мѣсяцевъ экспериментированія, движеніе возвращалось въ свое прежнее хаотическое состояніе, но съ той существенной разницей, что идея „комитета“, т. е. идея объединеннаго городского движенія среди рабочихъ, была на долгое время дискредитирована. „Молодымъ“ оставалось или соединиться съ рабочими, войдя въ ихъ агитаторскую группу, или же совсѣмъ устраниться отъ дѣла, предоставивъ все своему естественному развитію. Ни того, ни другого они не хотѣли. Нельзя было примириться съ мыслью, что столько труда погублено напрасно. Поэтому они, прежде всего, попытались поправить положеніе, примиривъ рабочихъ съ комитетомъ. Это стоило огромныхъ усилій, ибо рабочіе и слушать о немъ не хотѣли. Само его имя сдѣлалось ненавистнымъ для нихъ. „Комитетъ“ — это былъ для нихъ то невидимое, безконтрольное управленіе, которое такъ безплодно эксплуатировало ихъ революціонную энергію, такъ жестоко обмануло ихъ жажду дѣла, такъ безразсудно подорвало довѣріе „массы“ къ нимъ, ибо предъ „массовымъ“ рабочимъ и они считали своей обязанностью „замазывать“ недостатки комитетскаго управленія; „комитетъ — это былъ тормазъ революціоннаго дѣла! Но все же они поддались убѣжденію, что ихъ планъ поведетъ къ организаціонному распаду, къ полному разрушенію организаціоннаго единства, и, въ виду этого, согласились „въ принципѣ“ на примиреніе, оставляя за собой право выработать требованія для соглашенія. Тѣмъ временемъ одинъ изъ „молодыхъ“ внесъ въ комитетъ такія предложенія: чтобы „рабочій“ комитетъ больше не созывать; для связи съ центрами пригласить въ комитетъ отъ каждаго по представителю; для правильной же постановки агитаціоннаго дѣла учредить изъ членовъ комитета спеціальную редакціонную коммиссію для изданія прокламацій, въ которую вошли бы центровые представители. Это были тѣ ближайшія мѣры, которыя, сами собой, подсказывались условіями революціонной работы. Постоянно ею занятые, „молодые“ раньше другихъ поняли ихъ настоятельную необходимость. Но комитетъ въ цѣломъ, какъ и слѣдовало ожидать, ничего этого не хотѣлъ. Мало вникая въ положеніе дѣлъ, мало зная настроеніе рабочихъ до того, онъ теперь окончательно потерялъ чутье конкретнаго. Вмѣсто того, чтобы пойти навстрѣчу примирительному настроенію рабочихъ, „верхняя палата“ объявила „рабочій“ комитетъ распущеннымъ и черезъ посредниковъ предлагала желающимъ

присоединиться къ нему безъ всякихъ условій. Такое предложеніе имѣло бы, быть можетъ, значеніе вначалѣ, когда комитетъ начиналъ свою дѣятельность въ городѣ; можетъ быть, не пришлось бы тогда образовать „рабочій“ комитетъ, но теперь оно свидѣтельствовало лишь о его полномъ непониманіи положенія вещей, и лишній разъ говорило рабочимъ о его несостоятельности. Оставался еще единственный исходъ, который и былъ принятъ. Вмѣстѣ съ членами большого „рабочаго“ комитета и двумя-тремя членами „ремесленнаго“ центра „молодые“ образовали новую группу и, считая за собою фактическое и юридическое право (такъ какъ съ членами „нижней палаты“ они составляли большинство), провозгласили себя комитетомъ. Дѣлая этотъ шагъ, „молодые“ понимали, какую отвѣтственность они на себя брали. Въ случаѣ неудачи предпріятія они же, прежде всего, оказались бы ея виновниками въ глазахъ рабочихъ; движеніе же въ городѣ было бы надолго разбито. Чтобы укрѣпить свою позицію, они энергично принялись за созданіе средствъ для своей дѣятельности. Еще до открытаго разрыва ими были собраны деньги и необходимыя принадлежности на оборудованіе типографіи. Въ двѣ-три недѣли типографія была готова. Въ то же время укрѣплялись связи въ обществѣ и велись сношенія съ болѣе видными пропагандистами. Работы было по горло, но она подвигалась оч нь успѣшно впередъ. „Старики“ же, не желая сдать своей позиціи, ограничивались тѣмъ, что ѣздили покуда къ группѣ „Южный Рабочій“, приглашая послѣднюю разсудить ихъ съ „раскольниками“ и „бунтовщиками“. Представитель группы не замедлилъ пріѣхать, чтобы, какъ онъ говорилъ, разобраться въ томъ, какому изъ двухъ комитетовъ отдавать литературу группы. „Старики“ звали однихъ только „молодыхъ“ на судъ, обвиняя ихъ въ смутьянствѣ, совращеніи рабочихъ, захватѣ власти, обнаруживая этими обвиненіями полное незнаніе той революціонной среды, руководить которой они были призваны. Но рабочіе „молодыхъ“ на судъ не пускали, требуя къ себѣ и „пріѣзжаго“ и „стариковъ“, чтобы сообща разобрать, „кто правъ и кто виноватъ“. Волей-неволей „старики“ на это согласились и послали своихъ двухъ делегатовъ. Въ маленькой, тѣсной комнаткѣ, вдоль ея стѣнъ, расположились члены новаго комитета; двое „стариковъ“ — тутъ же; посрединѣ усѣлся „пріѣзжій“, которому предложили вести засѣданіе. Здѣсь роли оказались обмѣненными. Изъ обвинителей „старики“ превратились въ обвиняемыхъ. Одинъ за другимъ поднимались члены „районныхъ“ центровъ, которые, участвуя въ Екатеринославскомъ движеніи по два-три года, знали не мало погрѣшностей за „комитетомъ“. Всѣ недостатки движенія, разныя оплошности, большія и малыя, всякія случайности, — все это дѣлалъ „комитетъ“! Это онъ виноватъ былъ въ томъ, что за все это время не было никакой дѣятельности! И, наконецъ, послѣднія событія!.. Особенности условій, среди которыхъ развиваетъ свою общественную дѣятельность русскій соціальдемократъ, здѣсь ясно и рельефно выдвинулись. При отсутствіи гласнаго контроля, на него падаетъ отвѣтственность и за дѣла его предшественниковъ, а часто и за такія дѣла, въ которыхъ ни онъ, ни его предшественникъ

неповинны. Что могли отвѣтить „старики“ на страстно изливавшіяся обвиненія?!.. Побѣда „молодыхъ была очевидная и полная. „Старики“ должны были уйти со сцены.

Но и „молодые“, вмѣстѣ съ интеллигентными рабочими, взявшіе въ свои руки „бразды правленія“, такъ же мало въ состояніи были рѣшить организаціонную загадку, какъ и смѣненный ими „старый“ комитетъ. Наученные его горькой неудачей, они сочли за лучшее эту загадку совершенно игнорировать, какъ бы ее въ дѣйствительности вовсе не существовало. То обстоятельство, что потерпѣвшая крушеніе „реформа“ оставляла нетронутой организацію рабочихъ по „цехамъ“, давало теперь возможность незамѣтно и „исподволь“, „безъ особенной ломки„, вернуться къ прежнимъ формамъ организаціонной жизни. Еще при „старомъ“ комитетѣ посредники его въ „ремесленномъ“ центрѣ начали проводить эту политику, ближайшей цѣлью которой было прекращеніе „ядра“, какъ отдѣльно и оформленно функціонировавшаго собранія, въ назначенныхъ центромъ „цеховыхъ представителей“ или цеховыхъ вожаковъ. Съ этой цѣлью стали устраивать общія „цеховыя“ собранія для устной агитаціи и пропаганды, вмѣстѣ съ чѣмъ центръ тяжести организаціи переносился съ кружковъ, составленныхъ изъ рабочихъ различныхъ профессій, но „одинаковаго уровня развитія“, на миніатюрные профессіональные союзы. Наступившій въ скорости разрывъ помѣшалъ однако и этой задачѣ осуществиться до конца и ея результатомъ былъ лишь еще большій хаосъ въ мѣстной революціонной работѣ.

Больше вниманія, чѣмъ на всю организацію въ цѣломъ, „молодые“ обратили на организацію самаго комитета, такъ какъ здѣсь именно было то мѣсто, „откуда весь сыръ боръ загорѣлся“.

Комитетъ состоялъ теперь изъ 12 человѣкъ, три четверти которыхъ были выборные отъ центровъ. Изъ „молодыхъ“ и трехъ рабочихъ, по одному отъ каждаго центра, была учреждена редакціонная коммиссія для изданія прокламацій. Она же вѣдала и всѣ другія повседневныя дѣла комитета. Для особо важныхъ случаевъ собирался весь комитетъ въ полномъ его составѣ. Кромѣ того, онъ долженъ былъ имѣть свои ежемѣсячныя собранія для контроля „коммиссіи“. Что смущало „молодыхъ“ во всемъ этомъ дѣлѣ, это происхожденіе комитета отъ выборовъ. Въ данномъ своемъ составѣ, комитетъ, по сознательности и революціонному настроенію своихъ членовъ, по ихъ конспиративной сноровкѣ, популярности среди рабочихъ, не оставлялъ желать ничего лучшаго. Однако, это могло измѣниться. Надо было поэтому озаботиться, чтобы „выборное начало“ не было узаконено. Разсчетъ „молодыхъ“ былъ на томъ основанъ, что „редакціонная коммиссія“ съ естественнымъ ходомъ вещей превратится мало по малу въ комитетъ. Но два крупныхъ событія помѣшали этому расчету оправдаться.

Первое изъ нихъ — это были демонстраціи 15 и 16 декабря. Для комитета онѣ явились полной неожиданностью и были ему совершенно нежелательны. Случилось это по винѣ студентовъ горнозаводскаго училища, которые, не посовѣтовавшись съ комитетомъ, распространили листки къ студенчеству съ призывомъ

на демонстрацію. Въ листкахъ выражалась увѣренность въ поддержкѣ заводскихъ и городскихъ рабочихъ. Демонстраціи потому были нежелательны, что послѣ многихъ бурь и потрясеній комитетъ намѣревался отдаться, наконецъ, дѣятельной организаціонной и агитаціонной работѣ. Пришлось, однако, изъ опасенія остаться „во хвостѣ событій" принять въ нихъ активное участіе. Но это рѣшеніе, принятое въ силу необходимости, до такой степени овладѣло членами комитета, что они совершенно забыли или не сумѣли подумать о потребностяхъ момента: о томъ, чтобы дѣйствительно организовать демонстрацію, выработать общій планъ движенія и, главное, позаботиться о сохраненіи преемственности. Комитетъ, „ядровики", всѣ организованные рабочіе слились въ одномъ общемъ желаніи встряхнуться, извѣдать неизвѣстное, „кутнуть во всю". Какъ это часто дѣлалось и въ другихъ городахъ при устройствѣ демонстраціи, вся организація была поставлена ребромъ. На улицу собирались всѣ, въ комъ былъ „духъ живъ". Наконецъ то, ремесленники нашли себѣ живое дѣло! Каждый изъ нихъ привелъ съ собой на демонстрацію по два-три неорганизованныхъ рабочихъ. „Дома" были оставлены только три человѣка, по одному на каждый центръ, для „связей", на „разводку". Демонстраціи удались на славу. Отношеніе публики было сочувственное. Масса интеллигентной молодежи — учителя, экстерны, фельдшера — отличилась своимъ живымъ и активнымъ участіемъ. По счастливой случайности, организаціи вполнѣ уцѣлѣли послѣ обѣихъ демонстрацій. Ликованіе было безконечное. Настроеніе, высоко приподнятое, обѣщало прекрасную почву для предстоящей дѣятельности комитета.

Вторымъ событіемъ, касавшимся исключительно комитета, былъ съѣздъ южныхъ комитетовъ, устраивавшійся группой „Южный Рабочій", на который и Екатеринославскій Комитетъ имѣлъ послать своихъ делегатовъ. Нужно было готовиться къ съѣзду, столковаться по многимъ вопросамъ, снабдить делегатовъ необходимыми инструкціями.

Все это, какъ и подготовка и руководство демонстраціями, требовало частыхъ собраній всего комитета, во время которыхъ грань между „редакціонной коммиссіей" и остальными его членами дѣлалась все менѣе и менѣе замѣтной. Счастливое начало дѣятельности комитета въ умахъ передовыхъ рабочихъ связывалось съ его „выборнымъ" происхожденіемъ. „Выборное начало", послѣдовательно проведенное до комитета включительно, было освящено навѣки и ненарушимо.

Впослѣдствіи это дало, конечно, себя почувствовать, и очень сильно.

Первые мѣсяцы 1902 года, непосредственно слѣдовавшіе за декабрьскими демонстраціями, охарактеризовались общимъ подъемомъ движенія. Революціонная атмосфера, созданная ими въ рабочей средѣ, благопріятствовала агитаціи новаго комитета. Популярность его въ глазахъ мѣстнаго „общества" сильно возросла. Несомнѣнное сочувствіе къ нему выразилось въ усиленномъ притокѣ денежныхъ средствъ, въ оживленіи дѣятельности самостоятельно функціонировавшей организаціи „Краснаго Кре-

ста". То, что прежде давалось комитету съ такими усиліями, теперь какъ бы само шло ему въ руки. Рабочія организаціи расширились въ два-три раза. Сознательныхъ или „организованныхъ" рабочихъ насчитывали въ то время 600-700 чел. вмѣсто прежнихъ 250-300. Словомъ, это былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ благодарныхъ моментовъ для дѣятелей той полосы, когда результаты дѣятельности немедленно сказывались, служа стимуломъ для еще большей ея интенсификаціи. „Поработали же мы!" — съ восторгомъ говорили рабочіе, вспоминая это время.

Но не долго оно продолжалось. Дѣятельность комитета, преимущественно агитаціонная, являвшаяся до извѣстной степени непроизвольнымъ рефлексомъ на вызванное демонстраціями возбужденіе, была слишкомъ кратковременна, чтобы создать кадръ сознательныхъ и умѣлыхъ рабочихъ, способныхъ стать на его мѣсто. О выработкѣ соотвѣтствующихъ новымъ запросамъ движенія организаціонныхъ формъ, комитетъ, какъ сказано выше, мало заботился, какъ бы сознательно игнорируя эту необходимость; послѣдствія этого не успѣли при немъ обнаружиться, именно въ виду кратковременности его существованія. Когда толчекъ, данный движенію демонстраціями, ослабѣлъ, и когда члены комитета, возникшаго описаннымъ „революціоннымъ" путемъ, вслѣдствіе арестовъ и иныхъ причинъ мало-по-малу выбыли изъ его состава, то остался одинъ только голый „организаціонный принципъ" — „выборное начало", — въ силу котораго комитетъ составлялся изъ „выборныхъ" отъ всѣхъ трехъ центровъ, по три человѣка отъ каждаго. Какъ мало однако, эти „выборные люди" оказывались „лучшими", видно изъ того, что иной изъ нихъ выходилъ изъ комитета, мотивируя этотъ отказъ отъ руководства движеніемъ своей неспособностью. На почвѣ неудовлетворительнаго веденія революціоннаго дѣла, въ частности — установившихся организаціонныхъ отношеній, произошелъ новый расколъ, ближайшимъ поводомъ для котораго послужило „выборное начало". Это было знамя, вокругъ котораго группировалась „оппозиція", оставившая для себя, не безъ наслѣдственнаго права и юридическаго основанія, званіе и преимущества комитета Партіи. Оспаривавшій это право новый комитетъ реформировалъ зимою 1902 г. свою организацію на началахъ, аналогичныхъ съ тѣми, на которыхъ строится предлагаемый дальше планъ партійной организаціи. Комитетъ и „оппозиція" продолжали параллельное, независимое другъ отъ друга, существованіе вплоть до нашихъ „іюльскихъ дней", во время которыхъ между ними произошло сближеніе для общаго руководства движеніемъ. Лишь съ этого времени началось сліяніе „оппозиціи" съ комитетомъ и возстановленіе организаціоннаго единства соціальдемократическаго движенія въ Екатеринославѣ.

III

Развитіе организаціонныхъ отношеній въ Екатеринославѣ типично для всѣхъ нашихъ городовъ съ болѣе или менѣе развитымъ рабочимъ движеніемъ. Если „Рабочая Воля“ въ Кіевѣ и „Южная революціонная группа“ въ Одессѣ возникли (въ 1901 году) еще на почвѣ программныхъ разногласій, на почвѣ борьбы съ экономизмомъ, то „Рабочая Воля“, прокламировавшая себя въ Одессѣ въ іюнѣ 1902 г., откололась отъ Комитета, по причинамъ, главнымъ образомъ, организаціоннаго характера. Организаціонный же кризисъ переживала въ концѣ 1902 года кіевская партійная организація, которой лишь съ большимъ трудомъ удалось предотвратить расколъ въ своей средѣ. Происшедшій въ это же время расколъ въ Петербургѣ былъ также вызванъ организаціонными разногласіями. Даже классическій Бундъ не избѣгъ этой ломки въ организаціонныхъ отношеніяхъ при переходѣ къ новымъ, болѣе совершеннымъ, формамъ организаціи. Повсюду за указанный періодъ, отъ 1899 до конца 1902 года, — въ одномъ городѣ раньше, въ другомъ позже — соціальдемократическое движеніе ищетъ для себя новыхъ путей и способовъ стремится вылиться въ новую форму общепартійнаго единства.

Съ Ростовской стачкой конца 1902 г. открывается, по степени ея организованности, по способамъ соціальдемократической агитаціи, по всѣмъ, совершенно новымъ, пріемамъ борьбы, новая эра въ исторіи нашего революціоннаго движенія. Начиная же съ момента перехода отъ такъ называемой кружковщины къ массовой агитаціи до этой стачки, практика нашей революціонной дѣятельности не знала качественнаго роста. Втеченіе этого времени соціальдемократическое движеніе разлилось широкимъ потокомъ по обширной Россіи, разбѣгаясь большими и малыми ручьями по всѣмъ ея градамъ и весямъ. Тѣ первоначальные пріемы пропаганды и агитаціи, тѣ элементарныя формы революціонныхъ рабочихъ организацій, которыя выработала практика большихъ городовъ въ началѣ ихъ развитія, безъ труда примѣнялись повсюду, гдѣ движеніе только начиналось. Въ крупныхъ же центрахъ движенія, на форпостахъ нашей революціонной арміи царило мертвое затишье, безсильное топтаніе на одномъ мѣстѣ. Понадобилось нѣсколько лѣтъ настоящаго кризиса въ практической дѣятельности Партіи, чтобы придти къ мысли о необходимости освободить движеніе отъ тѣхъ оковъ, которыя налагались на него традиціонными формами революціонной жизни. Этотъ отрицательный урокъ практики далъ лишь возможность задуматься надъ созданіемъ новыхъ формъ организаціи, надъ выработкой новыхъ, болѣе соотвѣтствующихъ задачамъ Партіи, пріемовъ и способовъ борьбы.

Впервые планъ партійной организаціи разрабатывается въ извѣстномъ „Письмѣ“, написанномъ тов. Ленинымъ С. Петербургскому Комитету и воспроизведенномъ послѣднимъ. Въ основу его положена мысль о централизаціи *„руководства“* движеніемъ и обусловливаемой ею „децентрализаціи партійной освѣдомленности“ и „подотчетности“. Тов. Ленинъ съ особенной силой настаиваетъ на необходимости такой „децентрализаціи“, такъ какъ, не зная положенія дѣлъ въ Партіи, Центральный Комитетъ не въ состояніи будетъ ими руководить. Это, разумѣется, совершенно вѣрно; но тов. Ленинъ не знаетъ или забываетъ третье необходимое условіе, безъ котораго невозможна ни „централизація руководства“, ни „децентрализація подотчетности“, а именно: Центральный Комитетъ призванъ *прежде всего* централизовать *дѣятельность* Партіи, поскольку это требуется или допустимо въ тѣхъ или иныхъ ея областяхъ, и лишь на почвѣ *этой* централизаціи *сама собой* создастся его освѣдомленность и возможность единаго руководства движеніемъ. Здоровая мысль въ этомъ планѣ — организація революціонеровъ по ихъ функціямъ — совершенно тонетъ въ массѣ его аттрибуговъ: различной градаціи „военной дисциплины“, „дирижированія оркестромъ“, „перевода“ революціонеровъ на якобы исключительно имъ свойственныя революціонныя функціи „для исправленія диссонанса“, закрѣпощенія на вѣчныя времена каждаго революціонера на опредѣленной функціи и проч. и проч. Судя по этому „Письму“, Россійская Соціальдемокр. Рабочая Партія представляется тов. Ленину, какъ огромная фабрика, директоръ которой — Центр. Ком. — занятъ лишь чрезвычайно непроизводительнымъ „дирижированіемъ“ и одержимъ вреднымъ даже для управленія фабрикой мырецовскимъ стремленіемъ „тащить и не пущать“. При подобныхъ условіяхъ нормальная партійная жизнь и соціальдемократическая дѣятельность, разумѣется, совершенно невозможны[1]).

Характерная черта политической организаціи соціальдемократіи должна заключаться въ томъ, что она, въ отличіе отъ профессіонально-цеховой организаціи, объединяетъ не рабочихъ по ихъ профессіямъ, по тѣмъ конкретнымъ формамъ, въ какихъ проявляется ихъ рабочая сила „въ мірѣ эксплуатаціи и наживы“,

---

[1]) Нельзя согласиться и съ тѣмъ пониманіемъ членства партіи и взаимныхъ отношеній центральныхъ учрежденій Партіи, которое въ „Письмѣ“ косвенным образомъ высказывается. Но чтобы это разобрать, необходима была бы самостоятельная статья. Въ брошюрѣ „Что дѣлать?“ нѣтъ *плана* организаціи, хотя въ свое время о „ленинскомъ“ планѣ очень много говорили. То, что принималось за таковой, относилось лишь къ созданію партійнаго органа. Правда, вызывало сомнѣніе оригинальное пониманіе газетнаго „сотрудничества“. По Ленину, всѣ, занятые распространеніемъ партійнаго органа и пропагандой его идей, являются его „сотрудниками“. Но для невѣрующихъ т. Ленинъ оговаривалъ, что все это не болѣе, какъ „лѣса“, которые должны быть сняты послѣ того, какъ будетъ выведено само партійно организаціонное зданіе...

а *организуетъ революціонеровъ по ихъ дѣятельности, по тѣмъ функціямъ, которыя они выполняютъ въ Партіи, какъ ея члены,* — какъ ея члены, ибо свою частную партійную дѣятельность революціонеръ долженъ проводить въ жизнь подъ угломъ зрѣнія соціальдемократической программы, въ связи съ общими задачами и цѣлями Партіи. При соблюденіи этого условія, указанный основной признакъ можетъ быть послѣдовательнѣйшимъ образомъ проведенъ, отъ партійнаго центра, начиная отъ Центральнаго Комитета Партіи и кончая любой функціей, любой стороной мѣстной революціонной работы.

Во главѣ рабочаго движенія города стоитъ комитетъ Партіи, состоящій, по возможности, изъ революціонеровъ по профессіи, отдающихъ весь свой досугъ и всѣ свои силы революціонному дѣлу. Всѣ члены комитета, каждый въ своей области, каждый въ своей, выполняемой имъ въ данное время, революціонной спеціальности, принимаютъ личное непосредственное участіе въ движеніи. Необходимо оставить тотъ рутинный, оказавшійся столь вреднымъ, взглядъ на назначеніе комитета, свойственный скорѣе заговорщицкой дѣятельности, чѣмъ широкой партійной работѣ, по которому комитетъ является какимъ то „таинственнымъ незнакомцемъ", невидимой рукой своей руководящимъ и направляющимъ движеніе. Въ силу этого же соображенія, чѣмъ больше будетъ въ комитетѣ революціонеровъ-рабочихъ, лично связанныхъ съ рабочей средой, пользующихся въ ней вліяніемъ и популярностью, тѣмъ больше будетъ вліяніе комитета въ цѣломъ, тѣмъ больше будетъ довѣріе къ нему со стороны активно участвующихъ въ движеніи рабочихъ, тѣмъ дѣйствительнѣе будетъ его связь со всѣмъ рабочимъ населеніемъ. Лишь при этихъ условіяхъ комитетъ осуществитъ свою задачу — задачу воплощенія въ себѣ всѣхъ сторонъ мѣстной соціальдемократической работы съ цѣлью ея фактическаго объединенія и полнаго руководства ею. По мѣрѣ того, какъ движеніе разростается, должно естественно увеличиваться число его членовъ, и, если комитетъ дѣлается настолько многочисленнымъ, что исключаетъ возможность частыхъ собраній въ полномъ его составѣ, то слѣдуетъ выдѣлить изъ него небольшую группу лицъ, наиболѣе энергическихъ, теоретически и практически наиболѣе подготовленныхъ и опытныхъ, которые вмѣстѣ образуютъ центръ комитета, его правленіе въ собственномъ смыслѣ слова. Время отъ времени должны устраиваться общія собранія всего комитета, контролирующія свое правленіе, обсуждающія накопившіеся факты и случаи изъ революціонной дѣйствительности, вырабатывающія, по мѣрѣ необходимости, новые пріемы революціонной дѣятельности и дающія центру инструкціи для его дальнѣйшей работы. Въ военное время, при устройствѣ и веденіи крупныхъ стачекъ и демонстрацій весь комитетъ въ цѣломъ намѣчаетъ общій планъ дѣйствія и — въ томъ случаѣ, если онъ слишкомъ многочисленъ — поручаетъ проведеніе этого плана своему центру.

Среди всѣхъ многочисленныхъ областей и функцій революціоннаго соціальдемократическаго дѣла центральное мѣсто занимаютъ пропаганда и агитація въ рабочемъ классѣ. Всевозможныя стороны революціонной дѣятельности, работа въ типогра-

фіяхъ и управленіе ими, добываніе паспортовъ, добываніе средствъ, дѣятельность спеціальныхъ „финансовыхъ коммисій“, поддерживаніе связей въ обществѣ, пропаганда среди интеллигентной молодежи, имѣющая цѣлью выработку сознательныхъ интеллигентныхъ соціальдемократовъ, — вся эта работа играетъ подчиненную роль по отношенію къ пропагандистской и агитаціонной дѣятельности среди рабочаго класса, стоитъ къ ней въ зависимости средства къ цѣли. Сообразно съ этимъ комитетъ и распредѣляетъ ту сумму средствъ, силъ и революціонной энергіи, которою онъ располагаетъ.

Наибольшую важность для правильной постановки и успѣшнаго веденія агитаціоннаго дѣла имѣетъ тотъ способъ, посредствомъ котораго комитетъ ставитъ себя въ связь съ рабочимъ населеніемъ города. „Районные центра“, „рабочіе“ комитеты или „подкомитеты“ на томъ положеніи, на какомъ они до сихъ поръ существовали и существуютъ, по имѣющемуся опыту, не могутъ быть признаны подходящими для такой связи формами. Имѣя сферой своего вліянія обширный районъ или весь городъ, пользуясь правомъ *формальнаго* контроля дѣятельности комитета, иногда правомъ непосредственнаго смѣщенія его членовъ и замѣны ихъ путемъ выборовъ новыми, такого рода „подкомитеты“ дѣлаются рано или поздно изъ коллективнаго агитатора и революціонера по преимуществу самодовлѣющими бюрократическими учрежденіями, превращаются въ средостѣніе между комитетомъ и рабочей массой, изъ помощника становятся препятствіемъ его революціонной дѣятельности. Назначенные для дѣятельности на цѣломъ рядѣ заводовъ или фабрикъ, эти „подкомитеты“ раздробляютъ главную *объединительную* задачу комитета, составляющую весь смыслъ его существованія, и нарушаютъ *единство* въ общемъ руководствѣ движеніемъ. Въ виду этого, на каждый отдѣльный заводъ или фабрику, на каждую отдѣльную болѣе или менѣе крупную мастерскую, — повсюду, куда проникли идеи соціальдемократіи, комитетъ организуетъ группу рабочихъ, развивающихъ свою дѣятельность подъ *непосредственнымъ* руководствомъ одного изъ его членовъ. Свою роль коллективнаго агитатора рабочая группа выполняетъ тѣмъ путемъ, что, основательно познакомившись съ общимъ положеніемъ рабочихъ и условіями труда на данномъ заводѣ или въ данной мастерской, стремится расширить свое вліяніе на возможно большее количество рабочихъ, распространяетъ литературу и листки на мѣстахъ работы или же на рабочихъ квартирахъ, собираетъ деньги и свѣдѣнія, а въ случаѣ подготовляющихся волненій, стачекъ или демонстрацій, наблюдаетъ за общимъ настроеніемъ рабочихъ съ той цѣлью, чтобы можно было во время овладѣть положеніемъ. Знакомясь съ рабочимъ составомъ завода, фабрики или мастерской, группа-агитаторъ выбираетъ подготовленныхъ личными бесѣдами, чтеніемъ листковъ и брошюръ, надежныхъ рабочихъ и направляетъ ихъ на общія агитаціонныя собранія, составляющіяся изъ рабочихъ нѣсколькихъ заводовъ или разныхъ мастерскихъ. О дѣятельности каждой рабочей группы комитетъ въ точности освѣдомляется черезъ того своего члена, который состоитъ руководителемъ этой группы. Само собой по-

нятно, что членъ комитета, имѣющій своей функціей непосредственную дѣятельность среди рабочихъ, можетъ вести не одну только рабочую группу, а двѣ или нѣсколько, въ зависимости отъ располагаемаго времени, степени энергіи и проч. Такимъ путемъ комитетъ *лично* связываетъ себя со всѣмъ рабочимъ населеніемъ города, въ каждую данную минуту въ состояніи судить о положеніи вещей на томъ или другомъ заводѣ и о настроеніи его рабочихъ, другими словами: руководя черезъ своихъ членовъ отдѣльными рабочими группами, комитетъ пріобрѣтаетъ *фактическую* возможность управлять во всемъ своемъ составѣ въ качествѣ единаго неразлагаемаго коллектива, всѣмъ рабочимъ движеніемъ въ городѣ.

Если большинство членовъ комитета занято непосредственнымъ веденіемъ рабочихъ группъ агитаторовъ, то для руководства пропагандой въ рабочихъ кружкахъ достаточно, быть можетъ, одного только его члена, исключительно посвятившаго себя этому дѣлу. Посредствомъ этого члена-пропагандиста комитетъ болѣе или менѣе тѣсно связываетъ пропагандистскую работу со всѣми другими сторонами революціонной дѣятельности: съ одной стороны, это даетъ ему возможность держать пропагандистовъ „въ курсѣ дѣла“, что чрезвычайно важно для ихъ занятій въ кружкахъ, съ другой, — постоянно освѣдомляться о положеніи дѣлъ въ своей пропагаторской лабораторіи и подчинять ихъ своему общему контролю и руководству. Будучи наиболѣе опытнымъ и умѣлымъ пропагандистомъ и умѣя, къ тому же, вести необходимыя конспиративныя сношенія, этотъ членъ комитета организуетъ группу отборныхъ пропагандистовъ, дѣйствительно способныхъ стать на высотѣ своей задачи. По мѣрѣ надобности, пропагандисты со своимъ руководителемъ устраиваютъ общія совѣщанія, на которыхъ они обмѣниваются мыслями и наблюденіями по поводу своей работы и намѣчаютъ наиболѣе подходящіе способы веденія и пріемы пропаганды, сообразуясь съ уровнемъ развитія и со всѣми другими индивидуальными особенностями каждаго даннаго кружка. Область пропаганды, представляющая, въ противоположность агитаціи, ограниченное поле дѣйствія, должна вестись съ концентрированной энергіей и со всей той обдуманностью и тщательностью, какая требуется задачей воспитанія сознательныхъ и активныхъ агитаторовъ-рабочихъ съ революціоннымъ соціальдемократическимъ міровоззрѣніемъ.

Наряду съ группой пропагандистовъ организуется аналогичная, точно такимъ же образомъ функціонирующая группа агитаторовъ. Агитація посредствомъ листковъ и прокламацій должна быть дополнена живымъ непосредственнымъ словомъ агитатора, сказаннымъ передъ хорошо составленной, въ конспиративномъ отношеніи осторожно подобранной, рабочей аудиторіей. Серія рѣчей, намѣченныхъ комитетомъ, разрабатывается группой агитаторовъ, причемъ каждый ораторъ выбираетъ себѣ наиболѣе подходящее амплуа, выступая съ одной или двумя рѣчами на цѣломъ рядѣ агитаціонныхъ собраній. При наименьшей затратѣ силъ и времени со стороны небольшого количества агитаторовъ удастся, такимъ образомъ, достигнуть наибольшаго результата,

какъ въ смыслѣ полноты, законченности и правильности построенія самой рѣчи, такъ и относительно производимаго ею впечатлѣнія. Общія агитаціонныя собранія, регулярно устраиваемыя съ помощью рабочихъ группъ, являются наиболѣе пригоднымъ средствомъ для революціонизированія рабочей массы, воспитанія ея въ соціальдемократическомъ духѣ и созданія вокругъ нея революціонно-настроенной атмосферы.

Изъ такъ называемыхъ техническихъ функцій комитета очень важное значеніе имѣетъ распространеніе листковъ и прокламацій. Поскольку эта работа не выполняется уже рабочими группами, имѣющими въ числѣ своихъ обязанностей распространеніе литературы на заводахъ и рабочихъ квартирахъ, комитетъ организуетъ отдѣльную группу „сѣятелей"-распространителей, набирающуюся изъ наиболѣе энергичныхъ, ловкихъ и физически сильныхъ революціонеровъ. Каждый изъ нихъ спеціализируется на отдѣльномъ районѣ или части города, хорошо изучивъ ея улицы, дома и проч. Въ группу должны намѣчаться кандидаты, чтобы выбывшій „сѣятель" могъ тотчасъ же замѣниться новымъ.

Такимъ же способомъ и на такихъ же началахъ, на которыхъ строится пропагандистская и агитаціонная работа комитета, организуется рѣшительно вся мѣстная революціонная дѣятельность. Комитетъ вмѣстѣ со своими группами испытанныхъ и спеціализировавшихся революціонеровъ образуетъ живой организмъ, всѣ части котораго въ своей совокупности создаютъ одно стройное и гармоническое цѣлое. Всѣ нити движенія сбѣгаются въ одномъ общемъ узлѣ, откуда онѣ, качественно переродившись, идутъ дальше и выше, — въ Центральный Комитетъ Партіи.

Съ основнымъ признакомъ предлагаемаго здѣсь плана партійной организаціи — объединенія революціонеровъ по характеру ихъ дѣятельности — въ тѣсной связи находится второй его признакъ — *централизація всей партійной работы по различнымъ ея родамъ и видамъ*. При однородности данной отрасли партійной дѣятельности, данной партійной функціи, степень ея организованности будетъ тѣмъ выше и совершеннѣе, чѣмъ строже и полнѣе она централизована. Уже комитетъ Партіи, организуя мѣстную дѣятельность, вмѣстѣ съ тѣмъ систематически ее централизуетъ. Какъ химическіе элементы въ новой комбинаціи даютъ новыя явленія, такъ всѣ стороны мѣстнаго движенія, объединенныя въ комитетѣ, образуютъ новое химически-однородное цѣлое. И точно также, направленная въ одно общее русло, дѣятельность всѣхъ комитетовъ даетъ въ результатѣ новое цѣлое — *единую* соціальдемократическую рабочую партію, представленную въ лицѣ ея Центральнаго Комитета.

До самаго послѣдняго времени кождый комитетъ представлялъ собой миніатюрную соціальдемократическую партію и несъ на себѣ, — не касаясь того, выполнялъ ли онъ ихъ или нѣтъ, — всѣ обязанчости таковой. Единая соціальдемократическая партія ариѳметически складывалась изъ цѣлаго ряда такихъ партій-комитетовъ, очень рѣдко даже связанныхъ междусобой. Второй съѣздъ Партіи, закончившій собою долгую подготовительную работу, программа Россійской соціальдемократіи, имъ санкціонированная, выработанный на немъ организаціонный уставъ, созданіе

партійныхъ центровъ и въ частности Центральнаго Комитета, — все это, вмѣстѣ взятое, дало необходимую платформу для полнаго объединенія всей партійной дѣятельности и послѣдовательной ея централизаціи.

Каждая отрасль партійной работы, въ зависимости отъ своего характера и отъ тѣхъ условій, среди которыхъ она проводится въ жизнь, требуетъ или дѣлаетъ возможнымъ различную степень централизованности. Устная и печатная пропаганда, какъ и устная же агитація среди рабочаго класса, должны быть въ интересахъ своей принципіальной выдержанности и экономіи партійныхъ силъ, всецѣло организованы и объединены Центральнымъ Комитетомъ Партіи. Для руководства этими важнѣйшими областями партійной дѣятельности организуются одна или двѣ группы революціонеровъ-соціальдемократовъ, работающихъ подъ непосредственнымъ контролемъ Центральнаго Комитета. Группы эти вырабатываютъ программы для занятій въ пропагандистскихъ кружкахъ и издаютъ пропагандистскія брошюры, намѣчаютъ темы для агитаціонныхъ рѣчей общаго характера и, разъѣзжая изъ города въ городъ, лично наблюдаютъ за правильнымъ веденіемъ пропаганды и агитаціи на мѣстахъ. Всѣ болѣе или менѣе выдающіеся агитаторы и хорошо освоившіеся со своей задачей пропагандисты находятся въ полномъ и непосредственномъ распоряженіи этихъ группъ. Освѣдомленный о положеніи дѣлъ и знакомый съ потребностями момента, какъ всей Партіи въ цѣломъ, такъ и отдѣльныхъ ея частей, Центральный Комитетъ направляетъ своихъ пропагандистовъ и агитаторовъ въ тѣ мѣста, гдѣ въ данное время въ нихъ чувствуется наибольшая нужда.

Соотвѣтственныя группы революціонеровъ должны быть организованы для агитаціи среди войска, офицеровъ и солдатъ, среди крестьянскаго населенія и, главнымъ образомъ, учащейся молодежи и студенчества. Агитація среди названныхъ общественныхъ слоевъ и группъ, находящаяся въ тѣсной связи съ ближайшей политической задачей Россійской соціальдемократіи, начала развиваться лишь за самое послѣднее время. Организованная „сверху“, Центральнымъ Комитетомъ Партіи, она получитъ сильнѣйшій толчокъ для дальнѣйшаго своего развитія.

Какъ устная агитація на рабочихъ собраніяхъ революціонизируетъ рабочее населеніе на мѣстахъ, такъ печатная агитація по поводу событій и явленій, имѣющихъ значеніе для всей Россіи, создастъ революціонную атмосферу общую всей странѣ. Изданіе листковъ и прокламацій общепартійнаго характера — это та функція Центральнаго Комитета, въ которой „практическое“ руководство Партіей незамѣтно переходитъ въ „идейное“. Выполняемая систематически и въ духѣ соціальдемократической программы, она будетъ стимулировать и агитацію мѣстныхъ комитетовъ, касающуюся событій мѣстной жизни.

Среди вспомогательныхъ средствъ революціонной соціальдемократической дѣятельности предметъ особенныхъ заботъ Центральнаго Комитета составляютъ транспортъ нелегальной литературы изъ за-границы и типографское дѣло внутри Россіи. Чтобы при наименьшей затратѣ силъ и средствъ создать возможно большее количество агитаціонной и пропагандистской ли-

тературы, Центральный Комитетъ учреждаетъ при себѣ „техническое“ бюро, куда бы регулярно и періодически стекались свѣдѣнія о положеніи и работоспособности всѣхъ, находящихся при комитетахъ, мѣстныхъ типографій. На основаніи этихъ свѣдѣній Центральный Комитетъ опредѣляетъ, какую часть требующейся общепартійной литературы, прокламацій и брошюръ печатать въ мѣстныхъ типографіяхъ и какую часть восполнять работой своихъ собственныхъ типографій. Кромѣ того, работающая подъ вѣдѣніемъ Центр. Ком. „техническая“ группа имѣетъ своей задачей поднять на возможно боляшую техническую высоту всѣ комитетскія типографіи, повышая ихъ работоспособность увеличеніемъ производительности и интенсивности труда въ нихъ. Точно также, строго централизованный транспортъ литературы внутри Россіи дастъ возможность успѣшнаго и одновременнаго распространенія ея по всѣмъ комитетамъ и организаціямъ Партіи.

Можно сказать, что чѣмъ больше данная партійная функція связана съ мѣстными условіями, тѣмъ меньше она можетъ быть централизована, и наоборотъ. Напримѣръ, дѣятельность „боевыхъ дружинъ“ для защиты отъ шпіоновъ — дѣло исключительно мѣстное; организація же „паспортного бюро“, хотя и нуждается иногда для правильнаго функціонированія въ поддержкѣ мѣстныхъ комитетовъ, можетъ успѣшно работать только при Центральномъ Комитетѣ[1]).

Таковъ въ общихъ чертахъ типъ политической централизованной организаціи, приспособленной къ существующимъ конспиративно-полицейскимъ условіямъ и наиболѣе отвѣчающей задачамъ политической борьбы и соціальдемократическаго воспитанія пролетаріата. Совершенно невѣренъ тотъ взглядъ, по которому организаціонный централизмъ и „принципъ демократизма“ взаимно исключаются, что съ проведеніемъ централизма въ организаціи неизбѣжно вытѣсняется ея демократизмъ. Это приходится сказать, какъ для нѣкоторыхъ сторонниковъ централизма, представляющихъ его себѣ въ видѣ слѣпка съ бюрократически-самодержавнаго режима, въ видѣ „кулака вездѣсущаго“, такъ и для нѣкоторыхъ его противниковъ, считающихъ его, по той же причинѣ, чѣмъ то не мирящимся съ убѣжденіями

---

[1]) Необходимая оговорка. Централизація партійной дѣятельности составляетъ не *монополію*, а первѣйшую *обязанность* Центральнаго Комитета, сила и значеніе котораго можетъ увеличиваться лишь по мѣрѣ дѣйствительнаго выполненія имъ своей объединительной задачи. Такъ какъ осуществленіе этой задачи должно только начаться, то было бы совершенно неправильно стѣснять самодѣятельность мѣстныхъ комитетовъ даже въ тѣхъ областяхъ ихъ работы, которыя, по характеру своему, требуютъ наиболѣе полной и послѣдовательной централизованности. Въ ведущейся втеченіе послѣднихъ лѣтъ объединительной работѣ Партіи, вступившей послѣ съѣзда въ новую дальнѣйшую фазу своего развитія, мѣстные комитеты принимаютъ въ томъ смыслѣ участіе, что своей дѣятельностью создаютъ естественнымъ образомъ то, что Центральный Комитетъ долженъ объединить.

и задачами соціальдемократа. Мѣстные комитеты со своими центральными учрежденіями во главѣ, какъ замкнутая въ себѣ система организаціи, самымъ послѣдовательнымъ образомъ осуществляютъ въ своихъ предѣлахъ „принципъ демократизма". Съѣзды, высшая инстанція Партіи, на которые комитеты посылаютъ своихъ делегатовъ, избраніе на нихъ центральныхъ учрежденій, предъ ними отвѣтственныхъ, — это вполнѣ послѣдовательный демократизмъ, на основѣ наиболѣе совершенной организаціи партійной дѣятельности, предполагающей возможно болѣе полный организаціонный централизмъ. Централизмъ *соціальдемократическій*, въ отличіе отъ централизма *бюрократическаго*, гарантируетъ каждой, входящей въ его систему, организаціи, каждому члену послѣдней, тѣ конституціонныя предпосылки, которыя необходимы для ихъ нормальной жизни и успѣшной дѣятельности, безъ которыхъ ростъ и развитіе Партіи были бы совершенно немыслимы.

Политическая организація революціонеровъ, построенная по принципу объединенія и централизаціи ихъ дѣятельности, это— тотъ долго не находившійся ключъ, который откроетъ доступъ нашему вліянію на широкія массы пролетаріата. Это — не та организація для организаціи, въ которую при нашихъ политическихъ условіяхъ профессіональные рабочіе союзы неизбѣжно превращаются. Строго конспиративная внутри себя, уменьшившая до минимума расходы по управленію, централистическая организація ставитъ каждаго своего члена *лицомъ* къ рабочему классу, направляя всѣ его силы и помыслы на служеніе ему, на выработку рабочей интеллигенціи и воспитаніе въ немъ революціоннаго соціальдемократическаго сознанія. Вмѣстѣ съ остальными членами Партіи, не входящими въ ея составъ, эта организація образуетъ тотъ фактическій авангардъ рабочаго класса, который способенъ руководить имъ въ его борьбѣ съ экономической эксплуатаціей и политическимъ гнетомъ, а въ рѣшительную минуту повести его на аттаку противъ твердыни самодержавія.

Однако, это совершенное орудіе воспитанія и борьбы рабочаго класса при плохомъ его примѣненіи можетъ оказаться скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ, для дѣятельности и развитія Партіи. Того хочетъ наша историческая судьба, дающая ей острое и опасное средство централистической организаціи, въ то время, когда она далеко еще не достигла той политической зрѣлости, организаціонной выдержки и работоспособности, какой отличаются организаціи западно-европейскихъ соціальдемократическихъ рабочихъ партій. „Граждане" политически неразвитой страны, мы въ свою партійную республику вносимъ тѣ понятія и представленія, въ которыхъ мы сами живемъ и воспитываемся. Съѣздъ, какъ высшая инстанція Партіи, представляется намъ въ образѣ „суверенная" божества, всѣ желанія котораго должны быть приняты, какъ святыня, на вѣру, безъ разумной и обязательной критики. Многолѣтній разбродъ въ партійной дѣятельности вызвалъ въ нашемъ воображеніи фигуру Цент. Ком., по отношенію къ которому обязательно „безпрекословное повиновеніе и подчиненіе". Организаціонная дисци-

плина рисуется намъ, какъ „военная“ автоматическая дисциплина солдата, притомъ дисциплина, отъ которой мы освобождаемъ своихъ офицеровъ, генераловъ, полководцевъ... Свои организаціонныя представленія мы даже облекаемъ въ жаргонъ, заимствуемый нами изъ военныхъ казармъ капиталистически самодержавнаго строя. Всѣ эти особенности, свойственныя переживаемому нами періоду *политическаго дѣтства*, мы ни на минуту не должны забывать при постройкѣ своей новой партійной организаціи.

Отличительная черта политической организаціи, единственно возможной въ рамкахъ самодержавнаго строя, заключается въ томъ, что она представляетъ собой *конспиративную организацію революціонеровъ*, тогда какъ въ составъ Партіи — Партіи рабочаго класса — входитъ *каждый соціальдемократъ*, оказывающій ей то или иное регулярное содѣйствіе. Масса сознательныхъ и революціонно-настроенныхъ рабочихъ, которые при западно-европейскихъ отношеніяхъ составили бы гордость и украшеніе соціальдемократической организаціи, у насъ, по необходимости, остаются за бортомъ ея, хотя и считаются членами партіи. Рабочій—членъ, напримѣръ, германской соціальдемократической партіи долженъ при этомъ состоять членомъ одной изъ ея организацій; у насъ же членъ партіи — еще не обязательно членъ партійной организаціи, такъ какъ для участія въ ней необходимы качества конспиратора и выдающаяся революціонная активность. Именно отъ этой особенности нашего партійнаго и организаціоннаго строя, обусловливающейся русскими политическими условіями и характеромъ переживаемаго предреволюціоннаго момента, проистекаютъ тѣ возможныя для Партіи опасности, которыя можно и необходимо предотвратить.

Отсутствующая у насъ *организаціонная* связь между партіей и рабочими массами грозитъ нашей партійной организаціи оторванностью отъ правильно понятыхъ пролетарскихъ интересовъ, грозитъ превращеніемъ ея въ союзъ заговорщиковъ или, вѣрнѣе, въ мертвую форму безъ всякаго содержанія, въ бюрократическій аппаратъ, становящійся на пути широкаго развитія классового самосознанія въ пролетаріатѣ. Наша партія не можетъ располагать той кристаллизованной революціонной энергіей, которая дается въ лицѣ организаціи сознательной части рабочаго класса, не въ состояніи безошибочно учесть то вліяніе, какое послѣдней оказывается на широкія массы пролетаріата. Въ рѣшительный моментъ — при устройствѣ демонстраціи или во время открытаго возстанія — мы можемъ, поэтому, очутиться въ трагикомическомъ положеніи генераловъ безъ арміи или же — генераловъ, не способныхъ руководить этой арміей.

Чтобы всего этого избѣгнуть, необходимо усвоить себѣ такой взглядъ на нашу партійную организацію, по которому она является не цѣлью, самой по себѣ, а только подходящимъ *средствомъ* для соціальдемократической пропаганды и агитаціи въ рабочемъ классѣ, *формой*, которую необходимо лишь заполнить соотвѣтственнымъ содержаніемъ. Свою революціонную дѣятельность мы должны вести съ той удесятеренной энергіей, какая требуется задачами соціальдемократіи и характеромъ „канупа рево-

люціи". Планомѣрная и усиленная дѣятельность, вполнѣ возможная и даже обусловливаемая данными формами организаціонной жизни, создастъ живую дѣйственную связь между комитетами и работающими подъ ихъ руководствомъ группами революціонеровъ, съ одной стороны, и широкими массами рабочаго класса, — съ другой. Она создастъ внутри Партіи и ея организацій прочное *общественное мнѣніе*, имѣющее почву въ дѣйствительныхъ интересахъ пролетаріата, мнѣніе, которымъ комитеты Партіи, а черезъ нихъ ея Центральный Комитетъ, сумѣютъ и должны будутъ такъ или иначе руководиться. Настоящимъ образомъ понятая, идея „боевой" централистической организаціи, объединяющей и централизующей *дѣятельность* революціонеровъ, естественно претворится въ жизнь лишь при *наличности* этой дѣятельности; сама организація, какъ форма, можетъ вырости лишь *одновременно* съ ростомъ революціонной работы, составляющей ея содержаніе. И можно, поэтому, сказать, что съ созданіемъ такой партійной организаціи Россійская соціальдемократія выполнитъ свою историческую задачу — организаціи рабочаго класса, какъ авангарда всего революціоннаго движенія въ Россіи.

Россійская соціальдемократія прошла не мало „этаповъ" за свою, сравнительно, короткую историческую жизнь. „Этапы", само это выраженіе, свидѣтельствуетъ о томъ, что ростъ ея совершался не органически, подъ вліяніемъ направляющей его сознательной мысли, а происходилъ при непрерывной внутренней ломкѣ и борьбѣ. Сознательная мысль соц.-дем. лишь моментами становилась *впереди* рабочаго движенія и его задачъ съ тѣмъ, чтобы самой немедленно же подпасть подъ вліяніе окружающихъ ее условій, подъ вліяніе, вызванныхъ ею же историческихъ силъ. Первое же соприкосновеніе русскихъ соціальдемократовъ съ рабочимъ классомъ, естественно направленное на выработку рабочей интеллигенціи, создало намъ, такъ называемую, „кружковщину", послѣдствія которой не были такъ вредны, какъ остальныя наши увлеченія, лишь въ виду еще, сравнительно, узкихъ историческихъ рамокъ нашей соціальдемократической дѣятельности. Потребовалась, тѣмъ не менѣе, довольно упорная борьба, чтобы дать восторжествовать той, казалось бы, простой мысли, что соціальдемократія есть партія рабочаго класса, партія массового движенія. Но союзъ Россійской соціальдемократіи съ „массами" произошелъ на счетъ ея принципіальной выдержанности и сопровождался приниженіемъ ея теоретическаго уровня, чрезвычайно упрощеннымъ пониманіемъ ея задачъ. Печальной памяти „экономизмъ", какъ и его, нынѣ отходящій въ вѣчность, антиподъ, столь же, какъ и онъ, безплодный, — „политицизмъ", — грозили отнять у русской соціальдемократіи все ея значеніе, лишивъ ее всего того, что есть въ ней живого и истинно-творческаго. И,—что всего замѣчательнѣе, — каждый такой „этапный" привалъ сопровождался возведеніемъ въ теорію тѣхъ отсталыхъ противорѣчившихъ растущимъ задачамъ соціальдемократіи, формъ движенія, съ которыми болѣе дальновидные элементы Партіи вступали въ ожесточенную борьбу. Эта борьба вызвала въ концѣ кон-

цовъ къ жизни своеобразную теорію, выдаваемую за квинтъ-эссенцію сознательности, — теорію „выгибанія палки въ обратную сторону“[1]). „Сознательно“ направляя росс. соціальдемократію на путь *односторонняго* развитія, эта теорія, такая же стихійная, какъ стихійны „экономизмъ“ и „политицизмъ“, тѣмъ болѣе вредна и опасна, что имѣетъ стремленіе санкціонировать и освятить ту одностороннюю зигзагообразную эволюцію, которую проходитъ наша Партія.

Не въ этомъ заключается задача соціальдемократіи. Присматриваясь къ нашей революціонной дѣйствительности, нельзя не замѣтить двухъ, ясно въ ней обозначившихся, идущихъ одно другому навстрѣчу, явленій; это, — съ одной стороны, выросшее до огромныхъ размѣровъ революціонное движеніе рабочаго класса; а съ другой, — достигшая теоретическаго и программнаго единства, все болѣе и болѣе организующаяся соціальдемократія. „Задача русскихъ соціальдемократовъ“ всѣми силами *ускорить* сближеніе этихъ двухъ явленій, чтобы еще *до* надвигающагося переворота слить ихъ въ одно органическое цѣлое, превратить ихъ въ спаянныя воедино программу, организацію и тактику соціальдемократическаго рабочаго движенія.

Выполненіе *этой* задачи создастъ изъ Россійской соціальдемократіи такую громадную общественную силу, вложитъ ей въ руки такую необычайную мощь, какой не обладала и не обладаетъ никакая соціальдемократія въ мірѣ!

[1]) Смот. протоколы второго очереднаго съѣзда Партіи, рѣчь тов. Ленина. Стр. 132.